

ISTORIJOS ŠALTINIŲ TYRIMAI

2

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS
VILNIAUS UNIVERSITETAS

ISTORIJOS ŠALTINIŲ TYRIMAI

Sudarė
Artūras Dubonis

2

LI
LEIDYKLA

VILNIUS 2010

UDK 930.2(093)

Is81

Knygos rengimą ir leidimą parėmė

LIETUVOS MOKSLO TARYBA

NACIONALINĖ LITUANISTIKOS PLĖTROS 2009–2015 METŲ PROGRAMA

Recenzavo

Liudas Jovaiša

(Vilniaus universitetas)

Živilė Nedzinskaitė

(Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas)

Redaktorių kolegija:

Darius Antanavičius

(Lietuvos istorijos institutas)

Darius Baronas

(Lietuvos istorijos institutas)

Zenonas Butkus

(Vilniaus universitetas)

Artūras Dubonis (pirmininkas)

(Lietuvos istorijos institutas)

Mathias Niendorf

(Kyljo universitetas)

Rimvydas Petrauskas

(Vilniaus universitetas)

Irena Valikonytė

(Vilniaus universitetas)

Visi leidinio straipsniai recenzuoti dviejų mokslininkų

ISSN 2029-0705

© Lietuvos istorijos institutas, 2009

© Straipsnių autoriai, 2009

TURINYS

<i>Artūras Dubonis</i> Pratarmė	7
--	---

Straipsniai ir studijos

<i>Tatjana Vilkul</i> Создание Совия: работа составителя Иудейского хронографа (XIII в.) The Making of Sovii: the workshop of the compiler of the chronography of Judea (13th c.). <i>Summary</i>	11 32
<i>Oleg Choruženko</i> „Первая Литовщина“ в летописной статье 1368 г. The first Lithuanian onslaught ('litovschina') in the chronicle entry of 1368. <i>Summary</i> ...	33 41
<i>Aleksandr Hruša</i> Доверял ли монарх своим подданным? (Из жизни общества Великого Княжества Литовского конца XV – первой трети XVI в.) Did the monarch trust his subjects (a glance into the social life in the Grand Duchy of Lithuania from the late 15th c. to the first third of the 16th c.). <i>Summary</i>	43 82
<i>Raimonda Ragauskienė</i> Privatūs XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės didikų archyvai: struktūra ir aktų tipologija The private archives of the magnates of the Grand Duchy of Lithuania in the 16th c.: the structure and types of the documents. <i>Summary</i>	85 107
<i>Irena Valikonytė</i> Teismo dokumentų Lietuvos Metrikoje repertuaras: rašto ir teisinės kultūros aspektai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. pirmojoje pusėje The repertoire of judicial documents in the Lithuanian Metrica: the facets of the culture of literacy and of justice in the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the 16th c. <i>Summary</i>	109 125
<i>Vladimir Poliščuk</i> Ревизия волынских мыт и особенности документального состава книги Литовской Метрики № 22 (1547 г.) The inspection of customs rights in Volhynia and the special features of the documents of Lithuanian Metrica book no. 22 (1547). <i>Summary</i>	129 160

Inga Ilarienė

Livonijos dokumentų rinkinys Lietuvos Metrikos knygoje Nr. 525	161
Livonian documents in Lithuanian Metrica book no. 525. <i>Summary</i>	176

Eugenijus Saviščevas

Apie bajorų gyvenimą, aistras ir mirties bausmę XVI a. Žemaitijoje	179
On the life of nobility, passions and capital punishment in 16th c. Žemaitija. <i>Summary</i>	208

Diskusija*Oleg Choruženko*

Научно-справочный аппарат в современных изданиях средневековых документов	209
The critical apparatus of the modern editions of medieval documents. <i>Summary</i>	218

Šaltinio publikacija

Vladislovo IV Vazos Liudvikai Marijai Gonzagai įkeistų papuošalų inventoriūs (parengė Darius Antanavičius)	219
The inventories of the jewelry mortgaged in 1646 by King Vladislaus IV Vasa of Poland to his wife Ludvika Maria Gonzaga. <i>Summary</i>	262

Recenzijos, Anotacijos

A. Urbanavičius, <i>Vilniaus naujieji miestiečiai 1661–1795 metais. Sąrašas</i> , Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. P. 728. – (Jonas Drungilas)	263
---	-----

К. Ю. Ерусалимский, <i>Сборник Курбского</i> , т. 1: Исследование книжной культуры, Москва: Знак, 2009. P. 888. – (A. D.)	264
---	-----

<i>Breslaujos dekanato vizitacija 1782–1783 m., atlikta Vilniaus vyskupo Ignoto Jokūbo Masalskio parėdymu = Visitatio decanatus Braslaviensis iussu et voluntate Ignatii Jacobi Massalski episcopi Vlnensis A.D. 1782–1783 peracta</i> , parengė R. Firkovičius, (serija: <i>Fontes Historiae Lituaniae</i> , vol. VII, <i>Lietuvos istorijos šaltiniai</i> , t. VII), Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 2008. P. X, 451, [1]. – (Darius Baronas)	266
--	-----

Santrumpos	271
Apie autorius	273
Autoriams	275

ДОВЕРЯЛ ЛИ МОНАРХ СВОИМ ПОДДАННЫМ?
(ИЗ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.)¹

Александр Груша

В основу этой статьи положен доклад, прочитанный на международной научной конференции „Литовская Метрика: Архив на стыке исследовательских, издательских и политических интересов“, посвящённой памяти доктора Эгидиуса Банёниса (1948–1993), состоявшейся в Вильнюсе 6–7 ноября 2008 г. В свою очередь, этот доклад написан в продолжение статьи, посвящённой заочным листам господарской канцелярии. Хронологические рамки статьи охватывали первые десятилетия правления Жигимонта Старого (до 1530 г.). Выясняя причины издания указанных листов, мы затронули проблему использования книг Метрики ВКЛ и пришли к следующим выводам: записи книг Метрики не в полной мере отождествлялись с теми, с которыми можно было бы сверяться при принятии решений. Великий князь чаще приказывал лицам, отстаивавшим свои права, положить „листы-твёрдости“, чем своим писарям „отворить“ книги Метрики. Последние не представляли собой „базы данных“, которые бы отражали результаты контроля за расходованием „земельного фонда“ и способствовали эффективному осуществлению правосудия; общественное сознание ещё не было готово воспринимать их как книги с записями, имеющими одинаковую силу с теми документами, которые выдавались непосредственно на руки просителей и исполнителей, подобно тем, которые появились позже: вследствие введения земских судов (в 1565–1566 гг.); это сознание было далеко от того, чтобы пользоваться данными книг как резервными копиями и даже просто как источниками информации. Примерно на таком же уровне находилось восприятие этих книг и у зарождающейся бюрократии – писарей и дьяков канцелярии. В качестве

¹ Статья подготовлена при поддержке Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), Германия, в рамках проекта „Truth and trust crisis: Formation of written culture in business and legal spheres of the Grand Duchy of Lithuania (last third XIV – first third XVI century)“ (AZ 15/SR/08).

аргументов послужили такие факты, как отсутствие практики копирования всех исходящих из канцелярии документов; отсутствие оглавлений и документальных заголовков в книгах Метрики (предполагающих поиск в них тех или иных записей); факты восстановления утраченных документов не на основе книг Метрики, а на „поведанье“ местных властей, на основании „сведомья“ панов-рад и даже просто „добрых людей“, что утраченные документы действительно существовали, просто свидетельства просителя, что тот или иной лист когда-то существовал; отсутствия данных, что среди писарей и дьяков был сотрудник, занимающийся поиском документов в книгах Метрики. Данная статья была сдана в печать в украинский ежегодник „Соціум“² в 2008 г., но в том же году в первом выпуске литовского ежегодника „Istorijos šaltinių tyrimai“ вышла в свет статья Лаймонтаса Каралюса, где прямо ставилась задача определить характер использования книг Метрики в повседневной практике управления во времена вкл Александра³. Не обсуждая предварительно ни общий подход к проблеме, ни отдельные положения текущего исследования в этом направлении, авторы пришли к сходным выводам.

Эти выводы подтвердили наблюдения М. Космана, что способом контроля показаний просителя было устное свидетельство⁴. Размышляя по поводу того, существовали ли при вкл Витовте регистры (книги копий исходящих документов), М. Косман привёл несколько случаев подтверждения утраченных документов (которые были изданы Витовтом) на основе устного свидетельства⁵.

На первый взгляд такие отношения к записям вообще и книгам Метрики в частности может выглядеть необычным и неправдоподобным в свете того значения и роли, которое имеет документ в современном обществе. Но в то же время было бы методологически необоснованно проводить аналогию между характером и степенью использования документов в средневековье и в настоящее время.

Наблюдения М. Космана о значении устных свидетельств основывались, как уже говорилось, на отдельных фактах. На самом деле подобных фактов в источниках – масса. Они и послужат предметом нашего анализа. Исследование предпринято с целью выяснения условий функционирования устных свидетельств в области управления и суда в ВКЛ. Знания об этих условиях имеют самостоятельное научное значение, поскольку позволяют вскрыть малоизученные

² А. І. Груша, „‘Просите, и дано будет вам’ (Мф.7:7): ещё раз к вопросу о ‘заочных’ листах канцелярии Великого княжества Литовского“, *СОЦІУМ. Альманах соціальної історії*, 2008, dal. 8.

³ L. Karalius, „Lietuvos Metrikos knygu vaidmuo Aleksandro Jogailaičio kanceliarijoje (problemos aktualumas ir tyrimo perspektyvos“, *Istorijos šaltinių tyrimai*, kn. 1, sudarė D. Antanavičius, D. Baronas, Vilnius, 2008, p. 175–218.

⁴ М. Косман, „Archiwum wielkiego księcia Witolda“, *Archeion*, 1967, t. 46, p. 137–138.

⁵ Ten pat.

категории культуры средневекового общества, относящиеся не только к области устного и письменного способов коммуникации, но и широкой сфере общественных отношений. Для получения более полной картины вновь обратимся к проблеме использования книг Метрики в повседневной практике управления.

Вопрос, зачем нужны были книги Метрики, как ни странно, мало волнует умы исследователей⁶. Очевидно, они считают, что ответ на этот вопрос довольно прост. Действительно, наличие значительного массива скопированных и оставленных при великом князе документов не может не оставить впечатления, что эти документы были крайне необходимы великому князю в его повседневной деятельности⁷. Рассмотрим вопрос о степени использования книг Метрики в свете данных об особенностях их хранения, а также некоторых других сведений источников.

Копия одного межгосударственного договора (за 1501 г.), содержащаяся в 5-ой книге Метрики, сопровождается записью *Originales repositae s(un)t in castro Trocen(s)i sub cura thesaurarii t(er)rae e(t) c(aeterum)*⁸. Основываясь на содержании документа, связанного с подтверждением владения путивльского наместника князя Богдана Фёдоровича Глинского (в котором говорится об отсутствии в данный момент при великом князе в Вильне книг Метрики), а также процитированной записи, С. Пташицкий высказал предположение, что там же – в Троцком замке – хранились и книги Метрики⁹. Предположение С. Пташицкого в работах последующих исследователей превратилось в утверждение, во всяком случае, в факт высокой вероятности¹⁰. И только Э. Банёнис

⁶ Э. Банёнис указал лишь на общие условия появления книг Метрики: „Повседневная деятельность канцелярии ВКЛ, постоянный рост объёма накапливающейся в ней документации выдвинули задачу её систематизации и описания, упорядочения её хранения и использования“, см. Э. Банёнис, „Введение“, *Lietuvos Metrika (1427–1506). knyga Nr. 5. Užrašymų knyga 5*, parengė E. Banionis, Vilnius, 1993, p. 5.

⁷ Подготовка этих книг требовала немалых физических усилий, материальных затрат и времени. Перед тем, как документ попадал в книги Метрики, дьяками готовились промежуточные реестры с копиями документов, откуда последние и переносились в книги Метрики в соответствии с предметным и хронологическим признаком, см. А. І. Груша, *Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага 40–х гадоў XV – першай паловы XVI ст.*, Мінск, 2006, p. 84–86.

⁸ *Lietuvos Metrika (1427–1506). knyga Nr. 5*, nr. 126, p. 244.

⁹ *Описание книг и актов Литовской Метрики*, сост. С. Л. Пташицкий, Санкт–Петербург, 1887, p. 4.

¹⁰ Например, I. Sułkowska-Kurasiowa, „Metryka Litewska – charakterystyka i dzieje“, *Archeion*, 1977, t. 65, p. 92; P. Kennedy Grimsted with collaboration of I. Sułkowska-Kurasiowa, *The 'Lithuanian Metrica' in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Incl. an Annot. Ed. of the 1887 Inventory Comp. by S. Ptaszycki*, Cambridge (Mass.), 1984, p. 11. С. Кутшеба, В. Семкович, М. Косман перенесли это мнение на весь архив ВКЛ, см. *Akta unji Polski z Litwą*, wyd. S. Kutrzeba, W. Semkowicz, Kraków, 1932, p. XVII; М. Косман, „Archiwum wielkiego księcia Witolda“, p. 138.

отнёсся с сомнением к мнению С. Пташицкого¹¹, хоть и не привёл оснований для сомнения и не высказал свою точку зрения относительно места хранения книг Метрики. Необоснованность взгляда о том, что процитированная запись свидетельствует о хранении книг Метрики в троцком скарбе очевидна, учитывая обстоятельства возникновения записи с подобным содержанием. Ибо если писарь посчитал нужным отметить в отношении к копии, что оригинал находится в определённом месте, то это означает, что оригинал хранился отдельно. Иначе говоря, какой был смысл сообщать о месте нахождения оригинала, если этот оригинал и копия находились в одном и том же месте?

В своё время мы постарались обосновать взгляд, согласно которому книги Метрики, во всяком случае, в конце XV – первой половине XVI в. не только велись, но и хранились в канцелярии¹². Можно пойти далее и высказать предположение, что процитированная выше запись из 5-ой книги Метрики не только противопоставляет место хранения подлинника и книг Метрики (троцкий скарб и виленская канцелярия), но также и место хранения подлинников других межгосударственных договоров и корреспонденции – скарб в Вильне¹³. Очевидно, именно там находились общеземские привилеи (и в 1547 г. шляхта просила извлечь их из скарба и передать на хранение в другое, более доступное место¹⁴). Очевидно, скарб был местом хранения других подлинных документов, например, некоторых актов, связанных с унией¹⁵, а также подлинных великокняжеских и „частноправовых“ документов¹⁶.

¹¹ В введении к изданию 5-й книги Метрики Э. Банёнис обратил внимание на общий подход к данным С. Пташицкого: „Представленные С. Пташицким сведения вскоре стали хрестоматийными и повторялись без какого-либо критического подхода почти во всех работах, касающихся истории Литовской Метрики [...]“. И в связи с этим отмечал: „Так, например, хрестоматийным стало лишь предположение С. Пташицкого, которое в исторической литературе стало уже утверждением, что первоначально Литовская Метрика до 1501 г. хранилась в Тракайском замке, а в 1511 г. она уже находилась в Вильнюсе. Но ведь это предположение С. Пташицкого основывалось лишь на приписке к тексту договора 1501 г. между ВКЛ и Ливонским орденом, в которой говорилось о том, что подлинник договора хранится в Тракайском замке“, см. Э. Банёнис, „Введение“, *Lietuvos Metrika (1427–1506). Knyga Nr. 5*, p. 14.

¹² А. И. Груша, „Да некаторых праблем гісторыі Метрыкі ВКЛ (першыя гістарычныя назвы; па матэрыялах кніг Метрыкі ВКЛ першай паловы XVI ст.)“, *Інфармацыйнае забеспячэнне навукі: праблемы, пошукі, раішэнні*, Мінск, 2000, p. 152–162; А. И. Груша, *Канцэлярыя*, p. 30–32, 92–103.

¹³ М. К. Любавский, *Литовско–русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства*, Москва, 1900, p. 395; Э. Д. Банёнис, *Посольская служба Великого княжества Литовского (середина XV в. – 1569 г.)*, автореф. дис. канд. ист. наук, Вильнюс, 1982, p. 20.

¹⁴ М. К. Любавский, *Литовско–русский сейм*, p. 394; S. Ptaszycki, „Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akty unii Litwy z Polską“, *Kwartalnik historyczny*, 1902, t. 16, s. 4, p. 588–589; *Akta unji*, p. XVII и т. д.

¹⁵ Ten pat, p. XVII–XXIV.

¹⁶ Эти документы отражены в описи великокняжеского архива, содержащейся в 1-й книге Метрики. В предисловии к последней, литовской, публикации этой книги сказано: „Текст описи неко-

Таким образом, книги Метрики хранились в канцелярии, а подлинники договоров и привилеев, а также иных документов были рассеяны по скарбам в Вильне и Троках. Если принять во внимание характер записей книг Метрики (в основном, это исходящие документы), то получается, что канцелярия была местом хранения копий исходящих документов, скарб являлся местом хранения подлинников, в конечном счёте исходящих от великого князя или прибывших к нему документов. Тот факт, что разные документы хранились децентрализованно, очевидно, говорит о разных задачах их хранения и использования.

Наша точная локализация места хранения подлинных документов и книг Метрики может показаться на первый взгляд анахронизмом в свете данных о средневековой практике, когда разные документы и записи путешествовали вместе с монархом¹⁷ (тем более что великие князья, начиная с 1447 г., были одновременно королями польскими и великими князьями литовскими). И действительно, некоторые сведения как будто указывают на то, что аналогичная практика существовала в ВКЛ¹⁸. Так, например, три земских привилея Киевской земле, изданные Казимиром, Александром и Жигимонтом Старым, погибли во время пожара в Берестье, когда находились „в захованыи“ у господарского писаря Ивана Горностая *з речьми его в дому нашомъ г(о)с(но)д(а)рьскомъ*, т. е. с вещами писаря, но в доме господарском¹⁹. Очевидно, эти привилеи действительно находились на хранении у названного писаря, вероятно, как уроженца Киевской земли. Но известно, что подобные привилеи могли находиться и у самих получателей, как например, привилей вкл Казимира Витебской земле, хранившийся в церкви Пречистой Богородицы в Витебске²⁰. Сведения в пользу того, что готовые книги Метрики хранились более-менее постоянно в одном месте, более убедительны. В 1530 г. к великому князю, который находился в Польше, обратился рудоминский хоружий Томас Якубович с просьбой подтвер-

торых документов свидетельствует о том, что документы были написаны, но не выданы, некоторые порваны, повреждены печати, часть документов заинтересованные лица, очевидно, не забрали“, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 1 (1380–1584). Užrašymų knyga 1*, parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, Vilnius, 1998, p. 18. На самом деле речь идёт не о выданных на руки просителей документах, а о документах, выданных великим князем, но вернувшихся к нему. Так, например, происходило в результате *снадка* на господаря выморочных владений.

¹⁷ M. T. Clanchy, *From Memory to Written Record: England 1066–1307*, [Oxford, 1993], p. 163–165.

¹⁸ Относительно более раннего времени, см. M. Kosman, „Archiwum wielkiego księcia Witolda“, p. 133, 136.

¹⁹ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija)*, parengė S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt., Vilnius, 1997, nr. 389, p. 324–325 (1529); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25*, parengė D. Antanavičius, A. Baliulis, Vilnius, 1998, nr. 130, p. 187 (1529).

²⁰ *Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою коммиссиею*, т. 27 (*Литовская метрика*, отд. 1, ч. 1: книги записей, т. 1, под ред. И. И. Лаппо), Санкт-Петербург, 1910, nr. 255, стр. 846 (1503).

дить господарскую данину, привилей на которую вместе с другими листами сгорел во время пожара в Вильне. Согласно источнику: *Ино деи тьи листы есть выписаны у книгах канцлереиских. А такъ онъ маеть тьи списки под печатью пана воеводы его м(и)л(о)сти до г(о)с(по)д(а)ря его м(и)л(о)сти принести*. Другими словами, при государе не было необходимых книг, эти книги находились, очевидно, в Вильне, при канцлере-виленском воеводе, который и должен был прислать копии („списки“) документов за своей печатью²¹. Из этих данных следует, что у великого князя не всегда были с собой необходимые книги Метрики²². Это согласуется с латинской припиской указанного выше договора, что его подлинник хранился в Троцком замке. Если б этот договор и его копия, точнее сама книга Метрики, где содержалась эта копия, перемещались, то содержание записи было бы иным.

Что мы имеем в результате? Великий князь – непосредственный глава исполнительной, судебной и законодательной власти, пребывая, в частности, в Польше, также не нуждался в книгах Метрики, если исходить из того, что эти книги во время его отъездов из ВКЛ, часто продолжительных, оставались в Вильне. При этом следует добавить, что взять книги Метрики с собой для великого князя не составляло особого труда ввиду их сравнительно небольшого количества. Все они вместе взятые к концу 20-х годов XVI в. занимали объём не более 1 м³ (если допустить, что количество сохранившихся до наших дней книг соответствовало числу книг того времени)²³.

Огромная масса копий жалованных листов на земли, крестьян и т. д., содержащиеся в книгах Метрики, создаёт впечатление, что государь очень тщательно вёл учёт за расходом своего земельного фонда и тех поступлений и повинностей, которые шли с этих владений. Но при наличии записей книг Метрики полноценный учёт за расходом данного фонда мог производиться только в том случае, если существовал и при данном учёте использовался

²¹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15*, parengė A. Dubonis, Vilnius, 2002, nr. 205, p. 268 (1530); А. І. Груша, „Службовы склад і структура канцелярыі ВКЛ 40–х гадоў XV – першай паловы XVI ст.“, *Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага*, т. 1, 2001, р. 45; А. І. Груша, *Канцелярыя*, р. 58–59.

²² Говоря о книгах Метрики, которые имели постоянное место хранения, мы имеем ввиду книги, которые были завершены, т. е. тетради, к которым новые тетради уже не подшивались. Эти книги следует отличать от незавершённых книг, которые ещё велись. Впрочем, последние ещё не являлись книгами в полном смысле этого слова. Это были тетради и отдельные листы с копиями документов разных писарей или одного писаря (подготовленные дьяками). Примером таких „книг“ (тетрадей и листов) могут служить так называемые *Сопотьковы реестры*, которые этот Сопотько привёз из Польши, см. А. І. Груша, „Кніга Метрыкі 9 (1511–1516) і рэарганізацыя канцелярыі Вялікага княства Літоўскага 1516–1522/23 г.“, *Весці Беларускага дзяржаўнага пед. ун-та*, 2001, nr. 3, р. 166; А. І. Груша, *Канцелярыя*, р. 84–86.

²³ В качестве сравнения: для перевозки книг и свитков канцелярии английских королей в середине XIII в. и позже некоторые цистерцианские аббаты должны были поочередно давать сильного коня, см. М. Т. Clanchy, *op. cit.*, р. 164.

определённый исходный материал, т. е. полный перечень великокняжеских владений: как населённых пунктов с указанием платежей и повинностей, так и пустых земель, наподобие, например, ревизии волынских и подольских замков 1545 г.²⁴ и полоцкой ревизии 1552 г.²⁵ Сведения источников дают основания полагать, что переписи господарских владений действительно существовали. О каких-то переписях упоминается в книгах Метрики 8-ой и 221-ой. В документе из 8-ой книги сообщается о том, что в разные регионы ВКЛ были посланы порученцы великого князя „пописывати земли“ ВКЛ. Источник из 221-ой книги говорит о переписи, которую производил в Борисове и Борисовской волости дьяк Андрей Бобрович „от Светоши“, т. е. от писаря Фёдора Михайловича Святоши. Ни один из этих источников не имеет проставленной даты. Первый документ находится среди документов за 1509 г., второй – среди документов 1510–1511 гг. Возможно, как в первом, так и во втором случаях говорится об одной и той же переписи. Тот факт, что согласно с первым источником Фёдор Святоша (вместе с дьяком Васильем Заройским) был направлен для переписи в Новгородок, Свержень, Несвиж, Клецк, Слуцк, Туров, Городок и Пинск, а согласно второй, его дьяк (очевидно, вместе с писарем) действовал в Борисове и Борисовской волости, не может рассматриваться как противоречие, поскольку в процессе мероприятия могли произойти и определённые изменения. Борисов и его волость в первом источнике вовсе не указаны, хотя, учитывая широкий и даже фактически повсеместный масштаб самого мероприятия²⁶, этот регион, очевидно, не мог быть не затронут переписью. Скорее всего, Борисов, а также Менск были просто пропущены. Независимо от того, имеем ли мы дело с одной или двумя переписями, эти источники зафиксировали факт переписи господарских „имуществ“²⁷. Таким образом, какие-то переписи существовали. Но использовались ли они для учёта расходования земельного фонда?

В источниках за первую половину XVI в. нет данных об использовании этой переписи. На неё (них) нет ссылок. А ведь она могла (они могли) послужить источником для разрешения конфликтов между властями и населением, связанных с внесением тех или иных платежей, выполнением тех или иных

²⁴ *Литовська Метрика. Книга 561. Ревізія українських замків 1545 року*, під. В. Кравченко, Київ, 2005.

²⁵ *Полоцкая ревизия 1552 года*, подг. И. И. Лаппо, Москва, 1905.

²⁶ В качестве объекта переписи, кроме упомянутых населённых пунктов, отмечены: Берестье, Бельск, Каменец, Дорогичин, Мельник, Городно, две половицы троцких дворов, две стороны Виленского повета, Жомойть, Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев, Волынь. Не указаны поднепровские волости, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8*, parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius, Vilnius, 1995, nr. 422, p. 315.

²⁷ А. І. Груша, „Функцыі канцелярыі Вялікага княства Літоўскага (40–я гады XV – першая палова XVI ст.)“, *Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук*, 2001, nr. 3, p. 84; А. І. Груша, *Канцелярыя*, p. 37–38.

повинностей, вообще, с сохранением „старинны“, социальной принадлежности того или иного населения и т. д. Перепись не сохранилась. Это склоняет нас к мысли, что она хранилась не в канцелярии, а в скарбе, где находилась на хранении, в частности, „Перепись всей земли ВКЛ“ 1528 г.²⁸ Очевидно, и ту, и другую постигла одна и та же участь – обе они погибли во время захвата Вильни российскими войсками в 1655 г. Но если книги Метрики, фиксировавшие расходование земельного фонда, хранились в канцелярии, а перепись, которая содержала исходный для учёта за расходованием этого фонда материал, в скарбе (т. е. если эти книги и переписи хранились децентрализованно), не означает ли это, что условия для проведения указанного учёта были подготовлены недостаточно. Следовательно, говорить о существовании контроля за расходованием земельного фонда с помощью книг Метрики без дополнительных данных вряд ли приходится.

Кроме отчётов земских подскарбиев, мытников, восковничих, соленичих, мынцарей, корчмарей, ключников, городничих, писарей (отчитывались по расходам с недоимок даней – грошовой, медовой, бобровой, куничной, собранных в поднепровских волостях²⁹) и др., включённых в книги Метрики, нет ни одного отчёта воеводы, старосты, наместника-державцы³⁰. Если эти отчёты действительно существовали, то они должны были храниться в скарбе. Учёт доходов, очевидно, должен был соотноситься с данными книг Метрики о пожаловании земель и крестьян, и т. д. Но эти книги, как мы уже говорили выше, находились на хранении в канцелярии. Тут мы вновь сталкиваемся с фактом неподготовленности условий для осуществления контроля – теперь уже в фискальной сфере. Функции должностных лиц и учреждений управления складывались стихийно; эти функции закреплялись в качестве традиции, их трудно было изменить. Назначение на должность земского подскарбия одного из писарей канцелярии (Михайла Богуша Боговитиновича в 1520 г., в 1509 г. он уже являлся одновременно писарем и земским подскарбим, но только временно), возможно, должно было решить проблему свободного доступа земского подскарбия к книгам Метрики. Но в данном случае речь должна идти о систематическом использовании книг Метрики, т. е. о необходимости постоянного хранения книг Метрики в помещении скарба. Однако наличный материал не даёт оснований

²⁸ А. І. Груша, „Перепис войска ВКЛ 1528 г.: гісторыя стварэння“, *Ператіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. (Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга Публічных спраў 1)*, падрыхт. А. І. Груша, М. А. Вайтовіч, М. Ф. Спірыдонаў, Мінск, 2003, р. 31–33, 35.

²⁹ *Lietuvos Metrika. knyga Nr. 8*, nr. 115, p. 146 (1508).

³⁰ За исключением отдельных записей, если они действительно относятся к отчётности: „От пана воеводы виленского 50 коп грошей“, „От речичького наместника 6 коп грошей“ и др., см. *Lietuvos Metrika. knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6*, parengė A. Baliulis, Vilnius, 2007, nr. 597, p. 344 (1496).

для такого утверждения. В этом смысле многозначительными являются следующие ретроспективные факты, которые были обнаружены в статье Раймонды Рагаускене. В сентябре 1578 г. жомойтский староста Ян Ходкевич обратился с просьбой к подскарбию ВКЛ Лаврину Войне найти в книгах Метрики некоторые дела виленского воеводы Миколая Радивиля Чёрного, *в которых содержатся должны Его Милости покойного пана старосты городенского сестёр отказ от всех своих владений в пользу панов братьев их*. Л. Война приказал искать их своим подчинённым и сам лично два дня все книги, сколько их в скарбе было, перелистывая, искал. Но как заключил Л. Война: *В скарбе немало было Его Милости покойного пана воеводы виленского книг, но те только, что по должностям воеводы и маршалка [велись]. А его Королевской Милости метрик дел тех, что были бы решены покойным канцлером – таких в скарбе нет* (тут и далее везде выделено нами, – А. Г.). И далее по сведениям, которые приводит Р. Рагаускене, согласно информации одного из урядников скарба: *метрики в скарб хранить редко дают [...]*³¹.

Таким образом, ещё раз убеждаемся: нет оснований утверждать, что книги Метрики использовались для учёта расхода земельного фонда. Но зачем тогда они были нужны; с какой целью необходимо было создавать всю эту огромную массу копий исходящих документов? Постараемся ответить на этот вопрос, обратившись, как бы странно это не показалось на первый взгляд (с современной точки зрения), к проблемам нравственных отношений в позднесредневековом обществе ВКЛ.

В жалованных листах великих князей есть формулы, объясняющие мотивы пожалования владений и, кроме всех прочих мотивов, причём одним из наиболее часто встречаемых, являлась *господарская ласка*³². С ласки государь не

³¹ Р. Рагаускене, „Канцлеры Великого Княжества Литовского и Литовская Метрика в XVI в.: вопросы сохранности документов государственной канцлерии“, *Новости Литовской Метрики*, 2003, нр. 7, р. 45.

³² Например, „ино мы, з ласки наше, на ихъ чоломъбитые [...]“, „ино мы, з ласки наше, вбачивши его к нам пильную а справедливую службу [...]“, „ино мы, убачивши его к намъ верную а пильную службу и хотячи его охотнейшого и пильнейшого ку нашей службе видети, з ласки наше [...]“, „[...] иж убачивши верную а справедливую, николи не вѣмешканую намъ службу и наклады его [...], которую ж ся он к намъ цнотливе, яко то ку пану своему дедичному, оказал и хотячи его напотомъ ласкою нашою огорнути и ку пришлому часу службы наше охотнейшого и поспешнейшого вделати, з ласки наше, за его к нам верную службу [...]“ „то ему дали“.

Пожалование „з ласки“ – „в держанье“ отличалось от пожалования „на хлебокормленье“: „И князь Василей къ тому рекъ: господарь его милость тотъ дворъ свои Носовъ отцу нашему даль не на хлебокормленье, але въ держанье, такъ якъ и иньшымъ княземъ и паномъ его милость господарь дворы свои въ держанье подавалъ; а мне господарь его милость, зъ особливое ласки свое, за мою верную службу тотъ дворъ свои даль, напротивко отчины, дельницы моеи, которая бы мела мне ся достати въ делу от тебе, брата моего [...]“, см. *РИБ*, т. 20 (*Литовская Метрика*, т. 1), Санкт-Петербург, 1903, нр. 265, стр. 957 (1516–1517); от пожалования в залог: „[...] мы тот замокъ Тетерин дали князю Михайлу не з особливое ласки н(а)шое, але он то принял от нас у фримаркъ, а за то нам

только жаловал владения или подтверждал пожалования прежних монархов, но и подтверждал другими способами приобретённые имения (купленные, подаренные, поделенные и т. д.). Господарь жаловал владения не потому, что так следовало поступать вследствие правовых обязанностей („повиноватости“) перед подданными, а потому, что он в отношении их проявлял ласку, „особенную“, „особливую“ ласку, „хотячи“ отдельных подданных „ширшою ласкою осягнути“³³.

В литературе обращалось внимание на то, что средневековая ленная система оставалась не регламентированной писаным правом; такой актуальный вопрос средневековой жизни, как, в частности, порядок выдачи ленов, не были однозначно определены писаным законом³⁴. В этом плане средневековая жизнь ВКЛ не являлась исключением. В уставах, издававшихся великим князем совместно с панами-радами, Статуте ВКЛ невозможно найти прямых определений, на каких основаниях господарь раздавал владения тем или иным лицам, группам лиц и т. п. А. Я. Гуревич даёт такое объяснение данному явлению: „Не закон, который недвусмысленно определял бы права и обязанности заинтересованных сторон, создавая норму, но обычай, изменчивый в зависимости от места, времени,

замок Мстиславский со всимъ спустил [...]“, см. *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 316, p. 264 (1528); от пожалования „по близкості“, т. е. в соответствии с наследственным правом – наследникам: „[...] и мы тое имене дали отцу его, не по близкості жоны отца его, а его мачохи Овдотьи, але зь особливое ласки наше [...]“, см. *РИБ*, т. 20, nr. 279, стр. 983 (1517); „[...] Александръ, король его м(и)л(о)сть, з особливое ласки своеи, ани по жадной близкості, нижи за его верный послуги, далъ кн(я)зю Михайлу Ивановичу Жославскому замъки Мстиславль и Радомль [...]“, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12*, parengė D. Antanavičius, A. Baliulis, Vilnius, 2001, nr. 656, p. 501 (1527). Но в то же время великий князь давал имения в залог, правда, редко, например, *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10 (1440–1523). Užrašymų knyga 10*, parengė A. Banionis, A. Baliulis, Vilnius, 1997, nr. 90, p. 104 (1522), и „по близкості“ также „з ласки“, например, *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 431, p. 259 (1500); оригинал: *AGAD, Dokumenty pergaminowe*, sygn. 6788.

На мотив пожалования „з ласки“ обратил внимание М. В. Довнар-Запольский: „Пожалования на ярмарки и торги исходят исключительно от верховной власти и являются актом «милости, ласки» господаря великого князя“, см. М. В. Довнар-Запольский, *Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах*, т. 1, Киев, 1900, p. 408–409. „Господарь мог освободить то или иное лицо или целую общину от всех или некоторых пошлин: это было в его „милости и ласце“, так как самое взимание таможенных пошлин носило еще в известной мере частный характер“, см. *ten pat*, p. 569. „Выслуги – земли, пожалованные великими князьями; что такое вотчины – грамоты не объясняют но, очевидно, они разумеют под вотчинами земли, которыми искони владеют их собственники, земли, которые не являются актом «милости и ласки» господаря великого князя“, см. *ten pat*, p. 606. См. также, P. Dąbkowski, *Dobra rodowe i nabyte w prawie litewskim od XIV do XVI wieku*, Lwów, 1916, p. 41. По мнению В. Каменецкого взаимные отношения между монархом и обществом в XV в. регулировались лаской и потребностями монарха, см. W. Kamieniecki, *Spoleczeństwo litewskie w XV wieku*, Warszawa, 1947, p. 29.

³³ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 187, p. 185–186 (1507).

³⁴ А. Я. Гуревич, „Право“, *Словарь средневековой культуры*, под общ. ред. А. Я. Гуревича, Москва, 2007, p. 384.

лиц и бесчисленных жизненных обстоятельств, и опора на прецедент играли решающую роль в средневековой социально-правовой действительности³⁵. Но нельзя игнорировать и то, что пожалование являлось результатом проявления не правового, а иного по характеру акта, а именно – господарской милости, ласки. Великий князь мог пожаловать владения, но мог и отнять его³⁶. В первом случае, как уже говорилось, проявлялась ласка, во втором случае часто – гнев³⁷. Ласка и гнев противопоставлялись друг другу: великий князь мог *отпустить гнев и в ласку панскую принять*³⁸. Отнятое владение великий князь мог вернуть и если он делал это, то делал опять же с ласки³⁹. Гнев – это также явление не правового характера, а результат эмоционального состояния, гнев действует в значительной степени в границах нравственных категорий. Ласка – идеальное нравственное качество монарха, гнев – недостаток, точнее, своеобразная „слабость“ монарха, которую он мог себе позволить. Мнение исследователей, что в ВКЛ имения не являлись полной собственностью их владельцев⁴⁰, вполне согласуется с мотивом пожалования и, наоборот, мотивом конфискации этих имений: великий князь жаловал имения „з ласки“, конфисковывал нередко – в силу гнева. Ласка и гнев не относились к области права, не были соответственно следованием праву и его нарушением⁴¹.

³⁵ Ten pat.

³⁶ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 257, p. 174 (1498); *AGAD, Dokumenty pergaminowe*, sygn. 4637.

³⁷ *РИБ*, t. 20, nr. 158, stp. 774 (1511); nr. 482, stp. 1190, 1192 (1512) и др.

³⁸ Ten pat, nr. 155, stp. 771 (1511).

³⁹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 280, p. 185 (1498); nr. 340, p. 221 (1499) и др.

⁴⁰ М. В. Довнар-Запольский отмечает: „Но важно, что торжественные заверения частных грамот на право потомственного владения фактически не гарантировали его прочности: *великий князь мог отнять по своему личному усмотрению и вечное владение с заменой его другим или без таковой. И это было не злоупотребление властью, но правом великого князя или вообще лица, которое жаловало землю*. Великий князь Свидригайло дает своему слуге Михаилу Олехновичу несколько сел в Кременецком повете «вечно и непорушно», ему самому, детям и потомству – „без всякого подвижения“, т. е. обещает не отнимать у него пожалования. Такое обещание было понятно только при признании, что князь мог отнять свое пожалование“, см. М. В. Довнар-Запольский, *Государственное хозяйство*, p. 600.

⁴¹ См. характерное место у М. В. Довнар-Запольского: „Великий князь может во всякое время отнять у владельца его держанье и передать другому. Так, Витовт отдавая на вечность Деречин некоему Копачу на таких условиях, как держал „некий Дремуть“, прибавляет: „а Дремутю там (в Деречине) десять мужей казал ему дати“, т. е. только часть прежнего держанья. Или например, витебский наместник Юрий Глебович просит в 1508 г. у короля имение, раньше принадлежавшее изменнику Василию Глинскому и в момент просьбы уже находящееся в руках А. Калантаева, и король дает это имение просителю „на поживенье до нашої воли“. *Это отнятие дани ничем не мотивировано, да и не могло быть мотивировано, потому что сама данина есть акт ласки господарской*“, см. ten pat, p. 595.

На ласке строились отношения не только между господарём и подданными, но и между подданными. Ласка могла быть отцовской⁴², материнской⁴³, братской⁴⁴, „кровной братской“⁴⁵, супружеской⁴⁶, панской⁴⁷. С этой ласки происходило, например, одаривание детей движимым и недвижимым имуществом. Таким образом, господарь „з ласки“ подтверждал то, что давали со своей ласки, например, родители⁴⁸. Не только господарь проявлял ласку по отношению к подданным, но и подданные по отношению к господарю, исполняя с ласки господарскую службу⁴⁹. Очевидна аналогия между лаской господаря к подданным и лаской подданных в отношении друг к другу. Ни те, ни другие отношения не были продиктованы правовыми нормами. Например, мать могла одарить сына своим имуществом, а могла и не одарить. Подданные могли послужить господарю „сверх нормы“, но могли и не сделать этого. Следовательно, эта ласка не являлась правовой нормой, в то же время отказ проявить эту ласку не являлся нарушением права. Отношения между господарём и подданными и между самими подданными были не просто деловыми, сухо и нейтрально регламентированными отношениями.

Господарская ласка выходила за пределы права. Так, смоленский боярин Юрий Иванович купил землю у людей Браславского повета, обменялся землями с людьми Укольской волости и просил великого князя подтвердить приобретение. Как свидетельствует жалованный лист господаря: *Ино ачъколевкъ неволно людемъ тягълымъ без дозволенья н(а)шого земль продавати и меняти, однако ж мы, з ласки н(а)шого, на его чоломъбитъе, то вчинили: на то дали ему н(а)шь листь и потъвержаемъ то ему симъ нашымъ листомъ*⁵⁰. Таким образом, право запрещало покупать и менять земли у тяглых людей без раз-

⁴² Например, *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 601, p. 462 (1526).

⁴³ Например, *РИБ*, t. 27, nr. 243, stp. 820 (1500); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 606, p. 465 (1526); nr. 607, p. 466 (1526).

⁴⁴ Например, *РИБ*, t. 27, nr. 229, stp. 792 (1500).

⁴⁵ Например, *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 300, p. 249 (1508).

⁴⁶ Например, *AGAD, Dokumenty pergaminowe*, sygn. 5897 (1538); *Archiwum Radziwiłłów*, b. X, sygn. 570, p. 3 (1519); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 695, p. 533 (1528).

⁴⁷ Например, *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 710, p. 546 (1529).

⁴⁸ „Ино коли отец *его* з ласки *своее* и на жаданье жоны *свое*, матки *его*, тую польтораста копь грошей на томъ имени Блудове ему записаль напротивку того, што выдалъ на того сына своего Богдана, котории при них мешкаль, болшеи польтораста копь грошей, мы, з ласки *нашое* и на его чоломъбитъе, то вчинили [...]“; см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 601, p. 462 (1526).

⁴⁹ Например, в книге Метрики ВКЛ 8-ой есть два перечня панов, дворян и шляхты с подзаголовками: „На память. Которые п(а)нове и дворяне слуги свои слали на ласку г(о)с(по)д(а)рьскую къ Волохомъ“, „А то тые на свою шкоду з ласки служили“, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 158, p. 165 (1512).

⁵⁰ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 255, p. 261 (1523); nr. 504, p. 399 (1525).

решения великого князя. Великий князь мог нарушить право проявив ласку, и это собственно не являлось нарушением права. Ласка в данном случае была вне права и выше права⁵¹. Одной из форм ласки была щедрость⁵² – одно из главных качеств средневекового монарха.

В связи с нравственной мотивацией пожалований господаря целесообразно выяснить, чем руководствовался господарь, когда приступал к рассмотрению судебных тяжб между подданными и вынесению вердиктов по ним. В судебных листах отсутствуют формулы, что сторона била (стороны били) челом господарю, чтобы он с ласки своей рассмотрел тяжбу – господарю „жаловали“. Великий князь выносил приговор не с ласки, а „досмотревши“ дело. Надо полагать, что мотивом рассмотрения тяжб и вынесения приговоров была не ласка, а „повиноватость“ господаря, т. е. его обязанность перед подданными. В данном случае нас интересует не ласка господаря как таковая (разные проявления которой заслуживают специального исследования⁵³), а категории нравственного характера,

⁵¹ В этом плане господарская „паньская“ ласка была сродни челобитью. Вдова бельского землянина Андрея Брезынского не имела права отчуждать землю, пожалованную её мужу, племянникам Андрея без разрешения господаря, но великий князь на челобитье племянников разрешил это сделать: „А прото, хотя тая Аньдреевая к тому жадное мощи не маючы, иж мяла имь тых земель поступити без дозволения н(а)шого, однако жь мы, на их чоломьбите, то вчынили [...]“, см. *ten rat*, nr. 237, p. 251 (1523). Ковенский человек Юшко Кинбутович с разрешения ковенского старосты Юрея Ивановича Ильинича взял „за сына место“ ковенского боярина Болтрома Яновича, который бил челом господарю, чтобы после смерти Юшки ему дали землю его и „статки“. „Ино вед жо ачьколкевк людемь нашымь не волно земель своих продавати и записывати без дозволения н(а)шого, – отмечает господарь, – але мы на его (т. е. Болтрома Яновича – А. Г.) чоломьбите то вчынили [...]“, см. *ten rat*, nr. 265, p. 265 (1523). Ещё один случай. В 1530 г. волковскийский державца Матей Войтехович Яновича рассматривал тяжбу между боярами Волковскийского повета Иваном Вислоуховичем и его сыном Богданом, с одной стороны, и князем Богданом Фёдоровичем Глинским, с другой, об избении и нанесении ран. Глинский отказался давать показания на том основании, что тогда, когда это произошло, он был не один, а вместе со своим братом Иваном, в связи с чем просил привлечь к суду также и его. Судья признал, что такая просьба не обоснована с точки зрения права „[...] не есть жадная потреба брата своего и право того не несет [...]“, но всё таки пошёл навстречу ответчику: „для прозбы и чоломьбитья его“ (т. е. Богдана Глинского, – А. Г.), см. *Lietuvos Metrika (1528–1547). 6-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija)*, parengė S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt., Vilnius, 1995, nr. 156, p. 113–114 (1530). Чем были обоснованы решения господаря и судьи? Очевидно, тем, что челобитье действовало в рамках обычая. В данном случае столкнулись право и обычай, в результате взял верх последний.

⁵² Вкл Александр заложил Федору Янушевичу Володимерский замок с местом и сёлами, и дал держать Фёдору до „живота его“, „также и двор его м(и)л(о)сть (вкл Александр, – А. Г.) свои Скерстомонь в Жомойтской земли зь *особливое ласки своее и щедробы* даль ему держати ажь до живота его [...]“, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 187, p. 185 (1507).

⁵³ Работы, посвящённые монаршей ласке, появились в польской историографии: M. Koczarska, „Łaska królewska, czyli kontakty władcy z poddanyimi w Polsce późnośredniowiecznej“, *Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym*, Warszawa, 1997; Z. Rymaszewski, „Łaska monarsza w dawnej Polsce. Zarys problematyki“, *Król w Polsce XIV i XV wieku*, pod red. A. Marca i M. Wilamowskiego, Kraków, 2006.

использование которых, как мы постараемся показать ниже, выходило далеко за пределы повседневной жизни.

В свете данных, например, о „старине“ возникает вопрос, который обычно игнорируются исследователями данного института⁵⁴. Сплошь и рядом крестьяне, мещане, шляхта и духовенство защищали поправные права, связанные с их повинностями, платежами и т. д., их „старину“. В ряде случаев достаточно было только подать господарю жалобу о нарушении прав – о „кривде“, чтобы он без разбирательства наложил запрет на действия нарушителей. Каким образом и на основе чего великий князь удостоверился в обоснованности жалоб подданных? Все витебские мещане и „посполство“ жаловались господарю на витебского наместника князя Михайла Ивановича, что он *кривды велики поделаль и новины увел*. Длинный перечень „новин“ основывался на устных заявлениях жалобщиков (только одно – на доводе „перед“ великим князем всей Борисовской волостью). Решение господаря, которое не являлось результатом разбирательства, было однозначным: *Про тожь приказуемъ тебе, штобы еси имъ черезъ то бол[ь]шь кривдъ не чынилъ и новинъ не уводилъ, и делаль бы еси по старому, какъ будетъ первой того бывало за предковъ нашихъ и за отца нашого, короля его милости, ажъ бы ины не было*⁵⁵. Все православные священники Вильни сообщали великому князю, что прежний митрополит киевский и всяя Руси, покойный Макарей, ввёл многие „новины“; перечень претензий был представлен великому князю. В основе этих претензий лежали исключительно устные заявления (только одна претензия была подтверждена документами, но и они сгорели во время пожара церкви) со ссылкой на порядки при прежних митрополитах. Это не помешало господарю – вновь-таки без разбирательства – признать обоснованность претензий и „отложить“ новины⁵⁶. Можно привести и другие подобного рода примеры.

То же самое относится и к нарушению прав частных лиц. Еско Чаплич через своего дядю, земского подскарбия, маршалка и писаря Богуша Боговитиновича подал жалобу на маршалка Александра Ивановича Ходкевича, что

⁵⁴ А. С. Грушевский, *Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв. Старина и борьба за старину*, Киев, 1918, р. 18–42; М. М. Кром, „Понятие „старини“ в политической и правовой культуре Великого княжества Литовского XV–XVI веков“, *Наш радавод. Материалы международной научной конференции по региональной истории восточной Европы „Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии XIII – начала XX вв.“*, кн. 3, Гродно, 1991; М. М. Кром, „Старина“ как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV – начала XVII вв.)“, *Mediaevalia ucrainica: Ментальність та історія ідей*, т. 3, 1994; А. В. Блануца, Д. П. Вашук, „Інститут ‘старини’ й ‘новини’ в правових та економічних джерелах Великого князівства Литовського (друга половина XV – XVI ст.)“, *Український історичний журнал*, 2006, nr. 2.

⁵⁵ *РИБ*, т. 27, nr. 79, стр. 594–596 (1495).

⁵⁶ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 248, р. 170–171 (1498).

последний якобы отнимал у него имения, которые выслужил на Ходкевиче отец Ески Степан Чапля. Со слов господаря, писавшего Еске: *И мы тебе на твою жалобу листы наши до пана Александра подавали, ижьбы онъ тыи именья тебе вернулъ*. В источнике ничего не говорится о том, что господарь приказал обеим сторонам „стать ку праву“, „выслушал“, „досмотрел“ и по этому делу „справедливость вчинил“ или поручил это сделать кому-либо из своих панов. Реагируя на жалобу – без выяснения сути дела – великий князь немедленно выслал лист Ходкевичу с приказанием прекратить противоправные действия. И только, получив лист Александра Ходкевича, заручившегося поддержкой панов-рад и королевы, с объяснением обстоятельств дела, господарь принял решение произвести расследование⁵⁷. Жомойтский бискуп Миколай прислал господарю, „жалующи“ на виленского воеводу Ольбрахта Мартиновича Гаштольда, якобы он отнял пруд, принадлежавший Миколаю. Господарь не приказал стать обеим сторонам перед собой и не назначил судей для рассмотрения дела, а сразу направил Гаштольду лист с распоряжением „ни чим“ „не вступати ся“ в данный пруд. В свою очередь, Гаштольд сообщил великому князю, что бискуп приказал пожать рожь на поле его мельника и „грабежи ему починити“; кроме того, бискуп запретил ему устраивать пруд там, где воевода начал его устраивать при отце бискупа. В связи с „ответной“ жалобой Гаштольда, господарь опять же, не проведя никакого разбирательства, „на поведанье“ (как выразились бы другие акты) виленского воеводы приказал жомойтскому бискупу под зарукой в три тысячи коп грошей, чтобы он *в того мельника и земли Гаштольда ни чимъ ся не вступал* и не запрещал устраивать пруд там, где начал это делать виленский воевода. Таким образом, выслушав одну сторону, господарь мог выслать лист второй стороне с приказанием прекратить противоправные действия, не всегда считая нужным выслушать показания второй стороны и решить дело судебным порядком⁵⁸.

То же относится и к практике конфискации и пожалований владений. Без разбирательства и суда великий князь мог отнять владение у одного и пожаловать его другому по информации последнего. Когда шурин городенского старосты Станислава Петровича Ян Петрович умер, а Станислав находился на господарской службе в Смоленске, владыка туровский и пинский Васьян, „вкрасивши реч свою“ перед великим князем Александром, *рекомо – бы пан Петръ Янович тыи люди его мощно за себе забрал, на его поведане, без жадног(о) права* дал увязанье Васьяну в людей мартинковцев⁵⁹. По точно-

⁵⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymų knyga 14, parengė L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba), Vilnius, 2008, nr. 868, p. 374–375 (1527).

⁵⁸ А. И. Груша, „Просите, и дано будет вам“ (Мф.7:7)“, p. 256–260.

⁵⁹ Оригинал: НИАБ, f. 694 (Князя Радзивиллы), ар. 4, s. v. 1336, l. 14; список: РИБ, t. 20, nr. 136, стр. 735 (1511).

му наблюдению М. К. Любавского: „Правительство сплошь и рядом жаловало именья на основании показания челобитчиков, не проверяя их, и только по жалованных грамотах оговаривая: „если будет так, как повелили“. Предварительные справки об именьях у местных урядников наводились обыкновенно только в тех случаях, когда эти именья принадлежали к составу господарской волости в тесном смысле. Если же это были именья, находившиеся в частном владении, правительство легко поступалось ими и отдавало приказ местным урядникам ввести во владение или дать „увязанье“, оговаривая только: „аж не будет наследков, аж будет пусто“ и т. д. Таких условных пожалований находим множество в актах изучаемого времени“⁶⁰. По справедливому мнению М. К. Любавского, „литовско-русское правительство“ не всегда было в курсе внутренних отношений областей, и мало знало о составе и состоянии как государственных, так и частных имений. При пожаловании имений оно часто руководствовалось показаниями просителей, предоставляя своим местным органам проверять эти показания и чинить исполнение по его распоряжениям лишь в том случае, если пожалование будет „не шkodно“ господарскому двору⁶¹. Это было одной из причин отдачи имений предварительно только во временное владение – „до осмотра“⁶². И действительно, пожаловав, например, дворянину Ваську Сопежичу сельцо Дубровки Мощинской волости Смоленского повета, господарь писал смоленскому наместнику пану Юрею Глебовичу: *И мы ему тое сел[ь]це дали до нашего осмотра, до тыхъ часовъ, поки самъ въ насъ будешь и о томъ намъ достаточне поведишь [...]*⁶³.

Пользуясь принципом господаря: *мы листы*⁶⁴ *н(а)ши даем такъ, какъ хто в насъ просит(ь)*⁶⁵; *ведъже мы въ неведомости, которое речы с канцляреи н(а)шое листы кажем выдавати такъ, какъ хто в насъ просить*⁶⁶, просители пожалований часто искажали информацию о просимом объекте пожалования и

⁶⁰ М. К. Любавский, *Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута*, Москва, 1892, p. 558.

⁶¹ Ten pat, p. 596.

⁶² Ten pat, p. 596–597.

⁶³ РИБ, t. 27, nr. 56, str. 566 (1495); М. К. Любавский, *Областное деление*, p. 597. См. также: *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 95 (1494).

⁶⁴ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14*, nr. 686, p. 284 (1524).

⁶⁵ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 507, p. 404 (1530); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14*, nr. 54, p. 102 (1527); nr. 793, p. 326 (1526); nr. 835, p. 352 (1526); nr. 857, p. 368 (1527); nr. 910, p. 394 (1528).

⁶⁶ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 517, p. 411 (1530); nr. 518, p. 411 (1530). См. также, J. Bardach, „O praktyce kancelarii litewskiej za Zygmunta I Starego“, *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. (Prace Białostockiego t-wa naukowego*, nr. 13), Warszawa, 1970, p. 358.

просили „негораздо“⁶⁷, „неслушным обычаем“⁶⁸, соответственно листы „справовались неслушне“⁶⁹, эти листы, которые так и назывались – „неслушные“ листы⁷⁰, приводили иногда к многолетним и сложным тяжбам⁷¹.

Вот один из примеров, связанных с выдачей листа на „поведанье“ одной стороны, из жизненной практики. Дворянин Ивашко Гринькович был пожалован господарём пустой землей Ганусовщиной-Тивуновщиной в Городенском повете, которую на кунице без господарской данины держал городенский плебан Венслав. Городенский староста Юрей Миколаевич потребовал от Венслава предоставить лист на эту землю, но его у плебана не оказалось. В соответствии с листом господаря Юрей ввёл Ивашку во владение, выдав вводный („увяжчий“) лист. Однако плебан *втекъ ся до великого князя и заочне речъ свою перед* господарём украсил, рекучи, *бы Иванъ подпросиль ся под нимъ тое земли Ганусовъичины, а он бы давно тую землю з данины* господарской держал. По словам великого князя: *А мы на его поведанье, какъ он намъ поведалъ, и привилемъ нашимъ тую землю есмо ему потверъдили*. Великий князь приказал старосте, чтобы он запретил Ивану вступаться в Ганусовщину, а вместо неё дал ему другую землю. Однако Ивашко вновь обратился к господарю и объяснил, что плебан до того, как Ганусовщина была пожалована Ивану, держал эту землю без данины, не имея листа. При этом Иван представил лист великого князя с его подписью на указанную землю и вводный лист старосты. На основании этой информации и листов господарь изменил своё решение, приказав старосте, чтобы он не „рушал“ Ивана с указанной земли и, вообще, распорядился „знести прочь“ с этой земли дворец плебана. Своё решение великий князь мотивировал следующим

⁶⁷ *Lietuvos Metrika (1427–1506). Knyga Nr. 5*, nr. 184.2, p. 296 (1499); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 176, p. 137 (1496); *РИБ*, t. 27, nr. 86, stp. 602 (1495); nr. 241, stp. 818 (1501); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9*, parengė K. Pietkiewicz, Vilnius, 2002, nr. 49, p. 100 (1513); nr. 116, p. 129 (1513); nr. 181, p. 159 (1511).

⁶⁸ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Įrašų knyga 11*, parengė A. Dubonis. Vilnius, 1997, nr. 83, p. 100 (1511).

⁶⁹ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 507, p. 404 (1530).

⁷⁰ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9*, nr. 33, p. 94 (1512). Великий князь иногда и сам признавал: „[...] и мы того гораздо ся не доведавшы и на его поведанье тую землю ему есмо дали были“, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 176, p. 137 (1496).

⁷¹ Одна из таких тяжб имела место между Львом Боговитиновичем, а затем его детьми и Юреем Ивановичем Ильиничем о именье Вортоль. В 1503 г. первый получил разрешение на заселение местечка „Левкова“ на магдебургском праве в имении Вортоль, см. *AGAD, Dokumenty pergaminowe, sygn. 7418*. „Розробивши“ пушу, Лев „осадил“ местечко. Но оказалось, что местность, где Лев заселил местечко, являлась „звечными“ ловами Ильинича, где согласно источнику: „ловы з веков держали предкове его, пан Насут старьи и его сын пан Янь, которое ж именье по его паней ему досталося“. По словам Ильинича, обращённых Льву: „[...] ты не гораздо въ его м(и)л(о)сти просил ловов, поведаяючи, иж бы то ловы были г(о)с(по)д(а)рьский, а то ловы звечные предков наших и наши [...], бо ты как просил, такъ тебе и привилей дан, а то ловы наши [...]“, см. *AGAD, Dokumenty pergaminowe, sygn. 7459 (1514)*. См. также: *AGAD, Dokumenty pergaminowe, sygn. 7500*.

образом: [...] бо мы даемъ привилыя наши такъ, какъ хто у насъ просить. А данинъ, листовъ нашихъ, перервших (т. е. „первших“, – А. Г.) никому тежъ не ламаемъ⁷². Обратим внимание, что и окончательное решение было принято великим князем также на „поведанье“ одной стороны – Ивашки.

В других случаях, например, касающихся прав на земельное владение, состава платежей и повинностей населения (с которыми были связаны социальное положение этого населения) и других прав господарь мог назначить расследование. Способом установления истины нередко являлся опрос местных жителей. Троцкий воевода, земский маршалок пан Ян Юрьевич отнял у писаря Гриньки Исаевича Громыки его отчинное „именейце“ около Менска. Право Громыки на это „именейцо“ было восстановлено в значительной мере в результате дознания посланцов великого князя, которые *выездивши и тамошних бояр и людеи околичных опытавши и достаточне о том доведавши се*, доложили господарю, что *тое именеицо отчина и дедина его здавна к Менску прислушает*. Также и один из посланцов великого князя, уроженец Менщины Богдан Корейвич и з ыншими бояры менскими поведали господарю, *штож то звечныи земли Менского повету а отчина и дедина Громыце*. В конце концов, Яну пришлось „отступить ся“ от этого имения, которое было подтверждено Громыке⁷³. Некоторые жижморские бояре жаловались великому князю, что троцкий городничий „правил“ на них „дякол“, велел им косить сено к Старым Трокам, а жижморский пристав „выгонял“ их в заставу к скарбу в Троках, чего они раньше не делали. Как оказалось, по данному делу с жижморским приставом их ранее смотрел троцкий воевода Мартин Гаштовтович. Способам выяснения о платежах и повинностях был опрос „тамошних“ „обапольных“ бояр. Последние показали, что эти бояре дякло не давали, а названные повинности не выполняли. „Досмотревши“ дело, Гаштовтович нашёл правыми жижморских бояр, выдав им судебный лист, в соответствии с которыми принял решение и великий князь⁷⁴.

Справку по тем или иным вопросам давали и местные власти. Но часто источником этой справки являлись сведения, предоставленные данным властям местными сообществами. К великому князю обратился волынский землянин Михно Иванович Верещачича и просил допустить его по „близкости“ к имению дядьки Олехны Глебовича – Затурцы Луцкого повета, к которому, со слов Михны, он был единственным „близким“, а это имение являлось его „дединой и отчиной“. За информацией – *близкии ли онъ есть к тому именью дядька своего, чи ль не близки* – господарь обратился к луцкому старосте, маршалку

⁷² *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14*, nr. 686, p. 284 (1525).

⁷³ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 521, p. 306–307; РИБ, т. 27, nr. 258, стр. 854 (1503).

⁷⁴ Ten pat, nr. 63, стр. 574 (1495).

Волынской земли, каменецкому наместнику князю Семёну Юрьевичу. В свою очередь, Семён „опытываль“ всех князей, панов и земян Волынской земли, и они подтвердили слова Михны⁷⁵. Господарю бил челом дворянин Митко Семенович и просил дать человека Данилку Топорова с его „братью“, живущих в Еленской волости Смоленского повета. Великий князь в листе к смоленскому наместнику пану Юрею Глебовичу, писал, что ещё „перво сего“ приказывал ему узнать *какий то есть человек и какая то земля, а которую намъ службу служить*. Сведения об этом человеке, его земле и службе наместник получил от еленского приказника и мужей⁷⁶.

Из этих и других данных видно, что вся Волынская земля – имеются ввиду князья, паны, бояре – свидетельствовала о повинностях мещан⁷⁷, границах владений⁷⁸, „близкости“ тех или иных бояр к той или иной земле, являлись ли те или иные бояре боярами этого региона или другого⁷⁹; одновременно к боярам и крестьянам („людям“) обращались за сведениями о принадлежности земельных владений⁸⁰, их границах⁸¹ и даже границах государства⁸². Бояре являлись источником информации о повинностях бояр, повинностях и платежах „волости“⁸³; были ли данному боярину то или иное имение дядьковщиной⁸⁴; служили ли данные бояре с волостью, платили ли они те или иные платежи, являлись ли они боярами⁸⁵.

Более всего показательны отношения властей к свидетельствам крестьян. Как следует из указанных и других фактов, старцы, десятники и приказники (представители крестьянских властей), просто мужи и волостные люди давали показания о владельческой принадлежности той или иной земли; о повинностях, шедших с той или иной земли, и её статусе; повинностях и платежах крестьянского населения, социальной принадлежности населения⁸⁶; подсудности⁸⁷; действительно ли то, что просил в качестве пожалования у великого князя тот

⁷⁵ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 502, p. 294 (1503).

⁷⁶ *РИБ*, t. 27, nr. 189, stp. 722 (1499).

⁷⁷ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4*, parengė L. Anužytė, Vilnius, 2004, nr. 115, p. 133 (1488–1489).

⁷⁸ *AGAD, Dokumenty pergaminowe*, sygn. 7472 (1516).

⁷⁹ *РИБ*, t. 20, nr. 110, stp. 688 (1511).

⁸⁰ *РИБ*, t. 27, nr. 101, stp. 622–623 (1495).

⁸¹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 456, p. 365 (1525).

⁸² *РИБ*, t. 20, nr. 485, stp. 1194 (1516).

⁸³ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 226, p. 191 (1526)

⁸⁴ *РИБ*, t. 27, nr. 45, stp. 558 (1494); М. К. Любавский, *Областное деление*, p. 604–605.

⁸⁵ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 63, p. 226 (1528).

⁸⁶ *РИБ*, t. 20, nr. 92, stp. 118–119 (1514); *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 18, p. 55 (1522); nr. 266, p. 227 (1528); nr. 267, p. 228 (1528).

⁸⁷ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4*, nr. 140, p. 148–149 (1478–1479).

или иной боярин, „такъ есть“, как о нём сообщил этот боярин⁸⁸; о том, кому из урядников шли те или иные платежи⁸⁹ и т. д. На основе информации крестьянских властей и крестьян производилось выделение пожалованных владений⁹⁰. Среди информаторов властей по разным вопросам выделяется группа старых бояр, мужей, людей, „старцев“ (в данном случае – пожилых людей)⁹¹, которым приписывались качества сведущих, мудрых, честных людей, заслуживающих доверия⁹².

Во всех приведённых выше случаях великий князь и его представители действовали в соответствии с устной информацией жалобщиков и свидетелей. На первый взгляд, им ничего не оставалось делать, как полагаться на эту информацию, поскольку каких-либо записей об указанных платежах, повинностях, других обязанностях и правах и т. д. первоначально часто вовсе не существовало. Но ведь данные, например, об этих платежах, повинностях и т. д. можно было зафиксировать письменно и в сложных случаях обратиться к записям. Однако такая документация, как уже говорилось, не велась. Ее не было (а если и была, то использовалась чрезвычайно неэффективно), очевидно, потому, что власти вполне удовлетворялись устной информацией жалобщиков и свидетелей. И это несмотря на то, что многие из них, как бы сказали сейчас, были лицами „заинтересованными“. Архиепископ полоцкий и витебский Евхимей подал жалобу господарю, что митрополит киевский и всея Руси „не пишеть“ его в своих листах архиепископом, в отличие от прежних митрополитов, употреблявших этот титул в листах к предшественникам Евхимея. Для того, чтобы выяснить, „какъ здавна бывало“ – писали ли митрополиты данный титул „съ своее доброи воли“ или же „зь стародавнего обычая“ – господарь обратился за показаниями к князьям Друцким и полоцким боярам⁹³. Тот же архиепископ жаловался великому князю на владыку володимерского и берестейского Васьяна, что последний хочет „въ мечьцы седети“ выше Евхимия, чего

⁸⁸ РИБ, т. 27, nr. 39, stp. 552 (1494).

⁸⁹ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismu*, nr. 329, p. 273 (1528).

⁹⁰ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 639, p. 490 (1527); nr. 709, p. 545 (1529); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25*, nr. 33, p. 99 (1511); nr. 51, p. 116 (1513); nr. 65, p. 126 (1526) и др.

⁹¹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4*, nr. 77, p. 116 (1486); nr. 140, p. 148–149 (1478–1479); РИБ, т. 27, nr. 45, stp. 558 (1494); nr. 101, stp. 622 (1495); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 310, p. 203 (1499); nr. 568, p. 335 (1496); nr. 569, p. 336 (1475); РИБ, т. 20, nr. 485, stp. 1194 (1516); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11*, nr. 96, p. 108 (1522); *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismu*, nr. 18, p. 55 (1522); nr. 226, p. 191 (1526); nr. 266, p. 227 (1528); nr. 267, p. 228 (1528) и др.

⁹² G. Myśliwski, „Pamiętnicy. Ludzie sędziwi jako źródła wiedzy o przeszłości na ziemiach polskich (do końca XVI w.)“, *Europa barbarica, Europa christiana. Studia mediaevalia Carolo Modzelewski dedicatae*, Warszawa, 2008, p. 117. В соседней Польше старые люди выступали в качестве источника информации по тем же вопросам, см. ten pat, p. 119–120.

⁹³ РИБ, т. 20, nr. 152, stp. 766 (1511).

не было при их „предках“. Как и в первом случае великий князь удовлетворил претензии Евхимея и сделал это на основании свидетельства тех же князей Друцких и полоцких бояр⁹⁴. Источники информации великого князя были не всегда объективны и достоверны. Дворяне князя Иван и Тимофей Филиповичи Крошинские били челом и „повелили“ великому князю, что их отчина отошла к Москве и просили села Бабиничи Дубровенского пути Смоленского повета. Господарь пожаловал им это село. Но смоленский наместник Юрей Глебович сообщил, что отчина Крошинских „цела есть“, а к Москве ничего не отошло. На основании информации смоленского наместника Бабиничи были отняты у Крошинских. Одновременно время великий князь направил на „вкраины“ дворянина Барана с приказанием *того доведати достаточне и осмотрети, што будет их отчины к Москве отошло*. Дворянин съездил, выяснил и доложил великому князю, что отчинные именья Крошинских действительно отошли к Москве. В результате Бабиничи вернулись Крошинским⁹⁵.

В этом, на первый взгляд, замкнутом круге, когда источником и средством его проверки была устная информация, кроется ответ на вопрос о том, чем руководствовались власти, когда полагались на информацию жалобщиков и свидетелей. По нашему мнению, мотивы решений властей лежали в области нравственных отношений. Жалобщикам и свидетелям *доверяли*. В данном случае речь идёт не о личных свойствах „слишком легковёрных“ сторон, а, как нам кажется, о категории общественных отношений. И едва ли не лучшим свидетельством характера этих отношений является часто повторяющееся в 1520-х гг. заявление великого князя: *Мы листы н(а)ши даем такъ, какъ хто в насъ просит(ь)*.

Первоначально недостаточная дифференцированность социальной, правовой и нравственной сферы наделило элиту общества определением „добрые люди“⁹⁶. Но понятие „добрые люди“ включало в себя не только имущественный, правовой и социальный аспекты, но и нравственный⁹⁷. „Добрыми“ людьми называли бояр, но „добрые люди“ были среди мещан и крестьян. „Добрые люди“ – это те, кому можно было верить и доверять. Под определением „добрые“ эти люди выступали

⁹⁴ Ten pat, nr. 153, stp. 767–768 (1511).

⁹⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6, nr. 318, p. 208 (1499).

⁹⁶ А. Я. Гуревич, „Категории средневековой культуры“, *Избранные труды. Средневековый мир*, Санкт-Петербург, 2007, p. 132–133, 137.

⁹⁷ Различные значения определения „добрые люди“ рассмотрены: Н. Яковенко, „Про два ментальні стереотипи української шляхти: ‘чоловік добрий’ і ‘чоловік злий’“, *Паралельні світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст.*, Київ, 2002; „Добрые люди“ как правовой институт до судебной–административной реформы 1564–1566 гг.: В. Поліщук, „Свідки русько–литовського права до судово–адміністративної реформи 1564–1566 рр.“, *Молода нація. Альманах*, 2000, nr. 1, p. 149–153.

в качестве свидетелей в „частноправовых“ листах по различным сделкам⁹⁸, „под сведомом“ которых эти листы составлялись и чьими печатями они скреплялись⁹⁹. Именно „добрые люди“ выступали в качестве посредников, свидетелей примирений и других актов¹⁰⁰, судебных „заседателей“¹⁰¹, во время судебных тяжб как потенциальные и реальные свидетели, допускались к присяге¹⁰². Среди „добрых людей“ выделялась группа особенно „добрых“ – „лепших“¹⁰³. Во время тяжбы между князем Михайлом Васильевичем Збаразким и его дядей Семёном Васильевичем о дельнице дяди Михайла Солтана первый предоставил дельчий лист, составленный по утверждению Збаразкого перед „добрыми светки“. По поводу этого листа Семён Васильевич сообщал: *Я с моим братомъ, с отцемъ твоим не записивал ся тымъ листомъ, а тымъ светком твоимъ, што оу твоём листоу стоять, верю яко добрымъ людем*¹⁰⁴. Семён не верил листу, но верил свидетелям – „добрым людям“. Менская мещанка Станиславовая Зофея утверждала, что служебник пана Матея Войтеховича Станислав Августынович присвоил часть её движимого имущества – золотые грошы, одежду, коней, челядь невольную, оружие, многие „домовьи речы“ – на суму 60 коп грошей

⁹⁸ *Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie*, t. 1: 1366–1506, pod kier. Z. L. Radziwińskiego, przy współudziale P. Skobielewskiego, B. Gorczaka, Lwów, 1887, nr. 88, p. 84 (1486); nr. 94, p. 90 (1490); nr. 105, p. 101 (1493); nr. 144, p. 145 (1496); *AGAD*, Archiwum Radziwiłłów, b. X, sygn. 380, l. 1 (1495); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 223, p. 243 (1523).

⁹⁹ *Lietuvos Metrika (1427–1506). Knyga Nr. 5*, nr. 160, p. 277 (1506); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 246, p. 215 (1507); nr. 311, p. 255 (1508); nr. 449, p. 331 (1509); nr. 477, p. 347 (1510); nr. 498, p. 361 (1510); nr. 599, p. 439 (1511); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9*, nr. 52, p. 101 (1513); nr. 601, p. 332 (1517); nr. 617, p. 340 (1518); nr. 618, p. 340 (1518); *РИБ*, t. 20, nr. 23, stp. 24 (1510); nr. 135, stp. 732 (1511); nr. 9, stp. 1212 (1518); nr. 66, stp. 1319 (1519); *AGAD*, Dokumenty pergaminowe, sygn. 6790 (1518); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 179, p. 219 (1523); nr. 487, p. 387 (1525); nr. 593, p. 454 (1526); nr. 599, p. 460 (1526); nr. 614, p. 473 (1526); nr. 623, p. 478 (1527); nr. 628, p. 481 (1527); nr. 644, p. 494 (1527); nr. 671, p. 514 (1528); nr. 676, p. 518 (1528); nr. 677, p. 520 (1528) и др.

¹⁰⁰ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4*, nr. 117, p. 134 (1489); *РИБ*, t. 20, nr. 108, stp. 142 (1514); nr. 133, stp. 173 (1514); nr. 222, stp. 297 (1516); nr. 268, stp. 355 (1516); nr. 51, stp. 589 (1508); nr. 55, stp. 598 (1509); nr. 81, stp. 636 (1510); nr. 173, stp. 799 (1513); nr. 193, stp. 835 (1514); nr. 230, stp. 906 (1516); nr. 337, stp. 1055 (1522); nr. 8, stp. 1210 (1518); nr. 104, stp. 1375 (1520); nr. 120, stp. 1416 (1520); nr. 128, stp. 1431 (1520); nr. 151, stp. 1466 (1520); nr. 153, stp. 1469 (1520) и др.

¹⁰¹ *Lietuvos Metrika (1427–1506). Knyga Nr. 5*, nr. 185, p. 297 (1499); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 569, p. 336 (1475); *Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków*, nr. 148, p. 150 (1503); *РИБ*, t. 20, nr. 21, stp. 21 (1510); nr. 43, stp. 45 (1510); nr. 297, stp. 395 (1516); nr. 96, stp. 662 (1511); nr. 192, stp. 1518 (1521); nr. 225, stp. 1557 (1521); nr. 229, stp. 1565 (1522) и др.

¹⁰² *РИБ*, t. 27, nr. 87, stp. 604 (1495); nr. 172, stp. 696–697 (1498); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 263, p. 177 (1498); nr. 360, p. 231 (1501); nr. 568, p. 335 (1496); nr. 617, p. 351 (1495); *РИБ*, t. 20, nr. 55, stp. 67 (1510–1511); nr. 108, stp. 142 (1514); nr. 151, stp. 204 (1515); nr. 361, stp. 487 (1517); nr. 351, stp. 1070 [1522]; nr. 354, stp. 1073 (1522); nr. 115, stp. 1398 (1520); nr. 116, stp. 1403 (1520) и др.

¹⁰³ Например, *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 41, p. 69 (1522).

¹⁰⁴ *Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków*, nr. 74, p. 70 (1475).

и 4 черлёных золотых, которые она оставила ему на хранение. Служебник не признал претензии Зофеи обоснованными. Когда судьи спросили у Зофеи, „кому то сведомо“, что указанные вещи были даны Станиславу на хранение, она ответила: *Светьковъ жадных не маю, дала есьми, верачы, яко доброму человеку [...]*¹⁰⁵. Что „добрый“ человек отождествлялся с заслуживающим доверия человеком, следует и из устойчивых выражений источников: „добрые люди веры достойные“¹⁰⁶, „люди добрые, кому слушно верити“¹⁰⁷.

Вместе с тем, нельзя сказать, что государь полностью доверял подданным. Уже при вкл Казимире мы встречаемся с практикой, когда великий князь наводил справки у местных властей относительно того, действительно ли то, что просил челобитчик в качестве пожалования, соответствовало описанию этого челобитчика¹⁰⁸. Такая практика существовала и позже. В листе, адресованном маршалку, волковыйскому наместнику пану Войтеху Кучуковичу, великий князь указывал: бил челом кухмистр великой княгини, коневский и дубицкий тиун Миколай Юндилович и просил о пожаловании двух пустоштин, поля и сеножати в Волковыйском повете, [...] и мы о том до тебе писали, – отмечает великий князь, – *ажьбы еси о той пустоштинне доведал ся и до насъ отписал. И ты о томъ до насъ писал и самъ еси очевисто намъ поведил, штож тая пустоштина лежит давно пуста а наследка к неи никого нет*¹⁰⁹. Писарь Ивашко Сопега бил челом государю, что он купил у подконюшего Васка сельцо Браславского повета, которое издавна тянуло к Муравской земле, пожалованной ранее Сопега государём. Ивашко представил государю „купчий“ лист. Выслушав этот лист, великий князь „опытал“ браславского наместника пана Юрея Зеновьевича, который подтвердил, что купленное Ивашкой сельцо *здавна тое ж Мура[в]ское земли [...]*¹¹⁰. Бывший луцкий войт Труш просил у великого князя две землицы в Луцком повете возле Васильевского дворца, сообщая при этом, что той землицы на 20 бочек. Согласно с информацией великого князя: *И мы о том писали до ключника луцкого, до пана Богдана Сеньковича, ажьбы ся о том доведал. И он о том до насъ отписал, штож то есть так, какъ он намъ поведал, иж толко тое землицы мало болиши двадцати бочокъ*¹¹¹. Подобные примеры известны и

¹⁰⁵ *Lietuvos Metrika (1528–1547). 6-oji Teismų*, nr. 210, p. 155 (1540).

¹⁰⁶ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 301, p. 250 (1508).

¹⁰⁷ *РИБ*, t. 20, nr. 116, stp. 1403 (1520).

¹⁰⁸ Например, *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4*, nr. 73, p. 114 (1482).

¹⁰⁹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 117, p. 113 (1495).

¹¹⁰ *Ten pat*, nr. 227, p. 159 (1497).

¹¹¹ *Ten pat*, nr. 356, p. 229 (1500). См. также, *РИБ*, t. 27, nr. 46, stp. 559 (1494); nr. 47, stp. 559 (1494).

из более позднего периода¹¹². В некоторых случаях господарь посылал дворян с приказанием узнать относительно просимого владения и переписать, в частности: [...] *колько с тых людеи служобъ и дачокъ а которие службы и дачьки намъ з них идуть, и намъ отказати [...]*¹¹³.

Показательны в данном случае факты, связанные с утратой листов (сгоревших, украденных, похищенных и утерянных). Когда подданные просили великого князя подтвердить владения, листы на которые были утрачены, господарь с целью проверки прав на владения опрашивал тех, кому были „зведоми“ эти листы и права на данные владения, а именно: представителей власти, кто эти листы „видал“¹¹⁴, вообще, обладал информацией о данных владениях и листах¹¹⁵; кто вводил просителей во владения по данным листам¹¹⁶ и т. д. В одном из подтвердительных листов вкл Александра содержатся следующие сведения. К господарю обратился виленский тиун Михно Иванович и „поведил“, что король Казимир дал его отцу две земли в Довговском повете и на то выдал лист. Но последний сгорел вместе с домом. Однако о том, как отцу его „прохал“ эту землю у великого князя Казимира троцкий воевода пан Радивил Остикович, было известно троцкому конюшему Михну Яновичу. Как следует из данного места источника, Радивил Остикович в своё время выступил посредником между отцом Михны Ивановича и господарём. Утверждения виленского тиуна оказались недостаточными для великого князя. Последний опросил троцкого конюшего, *дал ли будет отец наш отцу его тые земли*. Конюший подтвердил слова виленского тиуна: *И Михно перед нами светчил, штож на прозбу пана Радивилову отец нашъ его м(и)л(о)сть отцу его тые земли даль, нижли имен не ведает*¹¹⁷.

В свете этих данных нет оснований категорически утверждать, что господарские листы с формулой *ино если будет так, как он нам поведал, и мы ему*

¹¹² *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 320, p. 260 (1508); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9*, nr. 56, p. 103 (1511); nr. 78, p. 113 (1511); nr. 81, p. 113 (1511); nr. 93, p. 120 (1512); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 113, p. 182 (1522); nr. 115, p. 183 (1522); nr. 122, p. 187 (1522); nr. 409, p. 338 (1524); nr. 413, p. 340 (1524); nr. 420, p. 344 (1524); nr. 643, p. 493 (1527); nr. 653, p. 500 (1527); nr. 682, p. 524 (1528) и др.

¹¹³ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10*, nr. 98, p. 97 (1522). См. также, *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 459, p. 272 (1501); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10*, nr. 99, p. 97 (1522).

¹¹⁴ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 408, p. 250 (1499); L. Karalius, „Lietuvos Metrikos knygu vaidmuo Aleksandro Jogailaičio kanceliarijoje“, p. 204.

¹¹⁵ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 429, p. 258 (1501); nr. 430, p. 258 (1501); *РИБ*, т. 20, nr. 83, стр. 640 (1510); L. Karalius, „Lietuvos Metrikos knygu vaidmuo Aleksandro Jogailaičio kanceliarijoje“, p. 204–205.

¹¹⁶ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 242, p. 166 (1497); L. Karalius, „Lietuvos Metrikos knygu vaidmuo Aleksandro Jogailaičio kanceliarijoje“, p. 204.

¹¹⁷ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 210, p. 150–151 (1496). См. примеры, А. И. Груша, „Просите, и дано будет вам“ (Мф.7:7)“, p. 266–267.

*то дали*¹¹⁸ предполагали полное доверие монарха к информации просителя. В данном случае необходимо различать два вида документов с такой формулой: первый – адресованный представителям местной власти (условно назовём такой документ „листом-инскрипцией“)¹¹⁹; второй – не имеющий такого адресата¹²⁰. Документ, адресованный местным властям, очевидно, предполагал проверку информации просителя (таких листов достаточно много). Со времён Жигимонта Старого стала вводиться регулярная практика выдачи жалованных листов (привилеев) на основании листов-инскрипций и вводных („увяжчих“) листов, которые издавались на последнем этапе проверки информации просителя – в результате введения просителя во владение. И только документы второго вида, возможно, подразумевали доверие монарха к информации просителю (таких листов мало). И это доверие, очевидно, было одной из форм ласки господаря.

Как следует из приведенных данных, господарь полагался на устную информацию (не основанную на документальных свидетельствах). И тот факт, что он при этом игнорировал письменные источники информации и не предпринимал эффективных усилий по их созданию (почему и игнорировал их), говорит о том, что устная информация его вполне удовлетворяла. То есть, он доверял устному слову. В аналогичных случаях (например, при подтверждении имений, листы на которые были утрачены; при пожаловании имений подданным, просившим определённые земли, людей и т. д.) господарь отдавал предпочтение устным источникам информации. Это говорит о том, что степень доверия к этим источникам у господаря была различной. В одних случаях он мог выдать лист на владение, прежний лист на которое был утрачен, только по устной просьбе и информации челобитчика¹²¹; в других случаях одной просьбы и информации челобитчика было недостаточно и для подтверждения факта владения имением и существования листа на него требовалось свидетельство „добрых“ людей и

¹¹⁸ Об этом см. J. Bardach, „O praktyce kancelarii litewskiej“, p. 358.

¹¹⁹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4*, nr. 78, p. 116 (1484); nr. 93, p. 122 (1486); nr. 94, p. 122 (1486); nr. 96, p. 123 (1486); *РИБ*, t. 27, nr. 4, stp. 515 (1492); nr. 24, stp. 536 (1494); nr. 50, stp. 562 (1494); nr. 93, stp. 610–611 (1495); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 178, p. 175 (1506); nr. 199, p. 193 (1507); nr. 201, p. 195 (1507); nr. 212, p. 198 (1507); nr. 245, p. 215 (1507); nr. 256, p. 221 (1507); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9*, nr. 18, p. 86 (1511); nr. 30, p. 93 (1512); nr. 42, p. 99 (1512); nr. 53, p. 102 (1511); nr. 60, p. 104 (1511); nr. 61, p. 105 (1511); nr. 85, p. 116 (1511); nr. 107, p. 126 (1512); nr. 119, p. 131 (1513); nr. 121, p. 132 (1513); nr. 159, p. 148 (1514); nr. 188, p. 162 (1511); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10*, nr. 27, p. 50 (1518); nr. 30, p. 51 (1518); nr. 31, p. 51–52 (1518); nr. 95, p. 95 (1521) и др.

¹²⁰ Например, *РИБ*, t. 27, nr. 212, stp. 761–762 (1499); nr. 226, stp. 787–788 (1500) и др.

¹²¹ А. И. Груша, „’Просите, и дано будет вам’ (Мф.7:7)“, p. 266; *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 477, p. 281 (1502); L. Karalius, „Lietuvos Metrikos knygu vaidmuo Aleksandro Jogailaičio kanceliarijoje“, p. 205. См. также, *AGAD, Dokumenty pergaminowe*, sygn. 6762 (1499); 6773 (1511); 7481 (1517); 5881 (1516).

положительная справка властей¹²². В одних случаях для господаря было достаточно сообщения челобитчика, что просимый объект пожалования являлся таковым, как его описывал данный челобитчик; в другом случае господарь обращался за подтверждением информации к властям и т. д. Однако во всех случаях источником информации было устное слово. Ещё раз повторим, если великий князь не считал целесообразным создать объективные – письменные – источники информации, он мог рассчитывать только на доверие к устной информации. Иначе говоря, это доверие не делало необходимым создание письменных источников информации. Причина, по которой господарь доверял своим информатором, легко объясняется. Он им верил потому, что они были „добрыми“ людьми. Именно показания „добрых“ людей являлись, в частности, способом подтверждения существования утраченных листов. Браславские земляне Богуш и Фёдор Крутновичи били челом великому князю, что они имели подтверждённые листами отчинные, дединные и материзные именья в Браславском повете. Но когда в панстве великого князя, на Подолье и на Волини, были „поганство татарове“, эти листы были похищены, однако людям добрым „то сведомо“¹²³. Великий князь доверял подданным, поэтому он верил и надеялся, что они ему говорили правду. Во время тяжбы между Станиславом Юрьевичем Ильиничем, с одной стороны, Чижам, Протасовичами и Бейнаровичами, с другой, о землях, дубравах и „в ынших“ „кривдах“¹²⁴, Ильинич, дезинформируя господаря, письменно сообщал ему, что он с другой стороной перед великим князем не договаривался и не устанавливал рок, и просил великого князя отложить тяжбу и перенести её на рассмотрение панов-рад. По словам великого князя: *И мы на писан(ь)е твое, будучы тое надеи, ижбы то было такъ, какъ ты до нас писал, дали тебе лист наш таковый, ажъбы тые судьи там не выездили и того права понехали*¹²⁵.

Коллективизм средневекового общества, проявлялся, в частности, в существовании прямых межличностных контактов и солидарности внутри социальных групп и в определённой степени между этими группами и монархом¹²⁶. Если

¹²² А. И. Груша, „’Просите, и дано будет вам’ (Мф.7:7)“, р. 266; См. также, *AGAD, Dokumenty pergaminowe*, sygn. 7442.

¹²³ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 595, p. 455 (1526).

¹²⁴ А. И. Груша, „’Просите, и дано будет вам’ (Мф.7:7)“, р. 256–257.

¹²⁵ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismu*, nr. 496, p. 395 (1530).

¹²⁶ Говоря, в частности, о централизации государства путём ликвидации княжеских уделов нельзя игнорировать тот факт, что речь идёт не просто о ликвидации княжений, но также и об утрате возможности для местных подданных регулярно поддерживать непосредственные контакты с их князем. Эта возможность формировало особый статус подданных. По поводу отказа великого князя Казимира отдать Киев князю Михайлу Омельковичу и назначения туда воеводы летописец без некоторого сочувствия заключил: „и так князство Киевское в воеводство есть обернено“, *ПСРЛ*, т. 32 (*Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Пан-*

судить по формулам документов господарь, как правило, непосредственно принимал челобитчиков. Очевидно, это не так, и в реальной ситуации его часто заменяли представители панов-рад и даже писари. Но как бы то не было, довольно прочная традиция указывать, что документ издан в результате непосредственного обращения просителя к великому князю, является не случайной. Подданные больше ценили оригинальный документ с формулой, что проситель лично явился на аудиенцию к господарю, и что владение подтверждено лично господарём. Ради этих документов они готовы были преодолевать сотни километров, не жалели ни расходов на дорогу, ни даров-челобитий в пользу посредников и господаря (не говоря уже об издержках, связанных с самой подготовкой документов). Великому князю, очевидно, также было важно выступить в качестве правителя, лично осуществлявшего власть. В частности, господарь находил нормальным принимать подданных, утративших документы, реагировать на их просьбы относительно выдачи нового листа, хотя в других случаях подобные к нему обращения он вполне мог квалифицировать как „докуки“. Между тем, организация *местного* нотариата дала возможность усовершенствовать способы хранения документов, сделать, в частности, получение подтверждений утраченных документов более лёгким и доступным. Такой нотариат появился позже с введением земских судов. Перераспределение задач в аппарате цен-

цырного), сост. и ред. тома Н. Н. Улащик, Москва, 1975, р. 90. Согласно летописному источнику Казимир после смерти киевского князя Семёна Олельковича назначил в Киев воеводой Мартина Гаштольда. „Але кияне, маючи за речь неслухную служити човекови роду не княжего будучому и незгожаючомуся в вери, а до того литвинови, котрые пред тым им голдовали, Гаштолта по два разы прижедаючого не приймовали, а у короля литовского просили, абы им князя Михаила, Семенового брата, [...] albo наостаток которого з сынов своих дал за князя и пана [...]“, см. ten pat, р. 90. Поэтому выделение уделов сыновьям монархов нельзя рассматривать исключительно в ключе децентрализации власти (из последних работ, посвящённых проблемам централизации ВКЛ XIV–XV вв., см.: L. Korczak, „Podłoże ścierania się centralizmu z partykularyzmem w Wielkim Księstwie Litewskim w XIV i XV wieku“, *Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem*, red. Z. Anusika, Łódź, 2007; L. Korczak, *Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim*, Kraków, 2008, р. 45–102; или консолидации: R. Petrauskas, „Die Staatstrukturen des frühen Grossfürstentums Litauen“, *Lietuvių Kultūros Institutas, Jahrestagung*, 2003, Lampertheim, 2004, р. 19.) Сохранилось немного известий о других средствах, способах и формах поддержания и формах солидарности, в частности, между монархом и подданными. Мало что известно, например, об объездах великого князя литовского подвластных земель (о подобных объездах в Польше, см. в частности: M. Wilska, „Objazdy księcia Janusza Starszego: struktura władzy i środowisko dworskie na Mazowszu“, *Spoleczeństwo Polski średniowiecznej. Zbiór studiów*, t. 2, pod red. S. K. Kuczyńskiego, Warszawa, 1982, р. 160–187; A. Rutkowski, „Objazdy i system rządzenia państwem przez Kazimierza Wielkiego“, *Kwartalnik historyczny*, kn. 85, s. 3, 1978, s. 605–626.) Всё это вызывает повышенный исследовательский интерес к результатам разрушения солидарности общества и ослабления в нём межличностных контактов, проявившиеся, в частности, в появлении посредников в управлении и суде между великим князем и подданными в лице тиунов, наместников, державец, воевод; возникновении и развитии практики пожалований крестьян (с их землями) в личное подданство князей, панов и бояр.

трального управления – между господарём и панами-радой, с одной стороны, и канцелярией, с другой – освободило бы первых от непосредственного участия в выполнении рутинной работы. Однако как в случае с Томасом Якубовичам (см. выше), некоторым из них, чтобы подтвердить имение, необходимо было дважды обращаться к господарю.

Акты „краткой“ (сделки) и „длительной“ протяжённости (факты владения, выполнения повинностей, платежей и т. д.), о которых давали показания свидетели, должны были быть публичными. *Они должны были иметь свидетелей.* Эти акты должны были быть *видимы*, о них должны были *слышать*, в них должны были *участвовать*, короче говоря, о них должны были *знать* и *помнить*. Ойрагольская волость жаловалась на своего тиуна пана Юрея Володковича по следующему поводу. Волощане передали на хранение отцу Юрея „листы-твердости“, которые были даны „предками“ великого князя Ойрагольской волости. Отец Юрея умер, не отдав листов; Юрей обещал „тыхъ часовъ“ их вернуть, получив от волости (в качестве челобитья?) 100 коп грошей, но не вернул. Согласно показаниям Юрея, он не был „сведом“ о тех листах и денег не брал. Волость хотела присягнуть, но великий князь и паны рада отказали им в этом праве на том основании, что указанная сумма является немалой, волость не привела в поддержку своих слов никакого довода, поскольку, если отец Юрея действительно брал листы, *могло бы кому сведомо быти*¹²⁷.

Доверие к этим показаниям основывались на публичном характере этих показаний. Даже акты, которые принято называть в литературе „частноправовыми“, имели публичный характер. При свидетелях осуществлялось продажа, обмен, раздел недвижимого имущества, примирение, передача денег, другие акты. В качестве свидетелей могли выступать представители власти (но не всегда). Согласно формуле некоторых продажных листов, продать землю означало „завести“, записать её перед „добрыми людьми“¹²⁸.

Судебная сторона могла „ганить“ лист и не „хотеть“ ему верить¹²⁹. И причиной для такого отношения к листу являлось отсутствие „годных“ свидетелей. Во время одной тяжбы судебная сторона представила в качестве доказательства лист, который, однако, судьи не сочли имеющим юридическую силу, ибо *в томъ листе ни людеи годных, ани теж не подписана дата*¹³⁰. Великий князь

¹²⁷ Списки: *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12*, nr. 711, p. 547; *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 377, p. 314 (1529).

¹²⁸ РИБ, t. 20, nr. 124, str. 163 (1514); *Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко*, подг. к печ. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич (*Литовская Метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9. 1533–1540 гг.*), Москва, 2008, nr. 87, p. 169 (1538).

¹²⁹ „Ино пан Матеи тому листу ганиль и верити не хотель [...]“, см. ten pat, nr. 48, p. 107 (1538)

¹³⁰ Ten pat, nr. 57, p. 118 (1538).

позволил князю Андрею Александровичу заплатить 300 коп грошей княгине Юрьевой Четвертенской, записанные последней её тёткой, мачехой Андрея, из суммы вена на имении Звинячее (т. е. выкупить это имение), при условии, *аж будет тетце ее панъ Андреи Волотович (первый муж мачехи Андрея Александровича, – А. Г.) в тых п(е)н(е)зях тое вышеи писаное именье слушным а раднымъ обычаемъ записал а мела бы таковыи праведливыи светки, которыи ж бы тот листъ пана Андреевъ подперли [...]*¹³¹. Следовательно, наличие свидетелей было непременным условием легитимности документа.

Согласно формуле, предшествующей перечню свидетелей в „частноправовых“ листах, свидетели были „добре сведоми“ не только листа¹³², но и „того добре сведоми“¹³³, т. е. самой сделки, эти сделки заключались „под“ их „сведомом“¹³⁴. Виленский мещанин Волчко Дхович в своём продажном листе, несколько отойдя от привычного формуляра, так и отметил: *[...] сведомо чиню сим моим листом перед всими добрыми людми [...]*¹³⁵. Документ вовсе не являлся абсолютным способом подтверждения прав. Судебная сторона могла заявить: *[...] а и къ листу ся я къ тому не знаю, то есть листъ фалишевый*¹³⁶. Свидетели нужны были, в том числе, и для того, чтобы подтвердить подлинность или подложность сомнительного листа¹³⁷, *самого акта*. Отношение к свидетелям, указанных в тексте документов, не были формальными. Живым свидетелям могли отдавать предпочтение перед „неживым“ документом. Для того, чтобы подтвердить, что господарский человек Охрем Шишак был освобождён от тяглой службы к Лужосенскому двору, судьям оказалось недостаточно судебного листа витебского наместника Ивана Семёновича Сопеги Ивашки Ивановича Мерчина, *подтвеждённoго великим князем*. В связи с этим были опрошены бояре, присутствовавшие на этом суде, *которыи еше суть живи: естли на тотъ час[ъ] при томъ суде были*. И только после их положительного в пользу Охрема свидетельства, претензии к последнему были сняты¹³⁸. Таким образом,

¹³¹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 368, p. 235 (1500).

¹³² *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25*, nr. 27, p. 93 (1524); nr. 172, p. 235 (1523).

¹³³ Ten pat, nr. 81, p. 143 (1513); nr. 158, p. 222 (1515).

¹³⁴ Ten pat, nr. 167, p. 229 (1501).

¹³⁵ *AGAD, Archiwum Radziwiłłów*, b. X, sygn. 380, l. 1 (1495). Если продавалась „отчина“, то в частности, перед „добрыми“ людьми, печати которых прикреплялись к „купчому“ листу, продавец обращался к „ближним“, „если бы они хотели за тот дворъ тыи п(е)н(е)зи отложить“, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 240, p. 213 (1507).

¹³⁶ *РИБ*, т. 20, nr. 46, стр. 48 (1510).

¹³⁷ Например: *РИБ*, т. 27, nr. 260, стр. 862 (1503); *РИБ*, т. 20, nr. 95, стр. 122 (1514); nr. 99, стр. 130 (1514); nr. 124, стр. 163–164 (1514); nr. 135, стр. 177–178 (1514); nr. 60, стр. 606 (1509); nr. 175, стр. 804–805 (1513); nr. 20, стр. 1228 (1518); nr. 1, стр. 1329 (1519).

¹³⁸ *Літоўская мэтрыка. Кніга Запісаў № 16*. Архіў Літоўскае мэтрыкі ў Дзяржаўным акта-хранілішчы ў Маскве (б. Архіў Міністэрства юстыцыі), падрыхтаваў З. Даўгяля (*Беларускі архіў (XV–XVI ст.)*, т. 2), Менск, 1928, nr. 16, p. 14 (1530).

сам документ нуждался в подтверждении. И способом его подтверждения было устное слово¹³⁹.

Высшей степенью достоверности обладали документы, вышедшие из канцелярии ВКЛ, но и они иногда требовали подтверждения, например, путём ссылки на писаря, готовившего их¹⁴⁰. Но у господарских листов был один существенный недостаток: их можно было получить, „украсивши речь“, „подпросить“ владение, „не гораздо поведаючи“. Документ не являлся решающим доводом для принятия решения – „для лепшой справедливости“ требовались показания свидетелей. Господарю „жаловали“ смоленские бояре Митко, Сенько и Дешко з „братьею“ Тереховичи на Сенька Бердибяковича: *тоть, господару, Сенко держитъ нашу влосную отчину и дедину, сел[ь]цо, на имя Руковское а Ходориковское, и люди свои на той земли посажалъ*. По утверждению же Сеньки Бердибяковича эта земля вовсе не была им ни отчиной, ни дединой, а исстари „слушала“ к его имению Хролковичи, которое ему досталось от тётки. Великий князь спросил у Тереховичей, имеют ли они „твердости и листы“, которые бы подтвердили их претензии. Тереховичи представили судебный лист смоленского наместника князя Семёна Ямонтовича по делу об этой земле между дедом Тереховичей Яковом и людьми Молоховской волости. Но этот лист господарь не посчитал в качестве решающего довода: *И мы ещо для лепшое справедливости пытали того Митка а Сенка а Дешка и ихъ братьи: маете ль вы надъ то еще которое доброе сведецство, ижъ бы тая земля вамъ была отчина и дедина?* В качестве такого „доброе сведецство“ явилось свидетельство молоховских бояр, приказников и старых мужей, которые *давно о томъ памятають, иж то ест[ь] отчина и дедина* Тереховичей. Опрошенные свидетели „въ одно слово“ дали показания в пользу Тереховичей. Выяснив, что Сенько Бердибякович „не гораздо“ держал данную землю, великий князь присудил её Тереховичам¹⁴¹. Великому князю „жаловал“ человек Мощинской волости Смоленского повета Антонец Юденок на дворянина Васка Сопежича. Согласно его жалобе Васка выпросил у господаря сёла Щербиново и Свирково, *за пусто, не поведаючи отчичовъ*, а также бортную землю и селище, в то время как данные сёла принадлежали отчичам – двум братьям, Сазонику и Оксёну. В качестве подтверждения своих прав на эти сёла Васка „положил“ господарский лист¹⁴², а вдобавок „послал ся“

¹³⁹ О некоторых аспектах публичности см.: Н. Старченко, „Публічність як домінанта культурної традиції (Волинь другої половини XVI століття)“, *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*, т. 5, 1998.

¹⁴⁰ „Я, дей, тыхъ людей своволне не забирал, а держу ихъ з данины г(оспо)д(а)рское и маю на то листы-твердости, которыи ми справовал в каньцлереи писар г[оспо]д[а]рский, пан Иван Сапега“, см. *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, nr. 174, p. 153; оригинал: *Biblioteka Czartoryskich*, perg. 1315 (1525).

¹⁴¹ *РИБ*, т. 27, nr. 101, стр. 622–623 (1495).

¹⁴² Очевидно, тот, который записан в книге Метрики 5-ой, см. *РИБ*, т. 27, nr. 130, стр. 649–650 (1495).

на приказника и всю Мощинскую волость, что Сазоник и Оксён не являлись отчичами указанных сёл. Господарь провёл опрос приказника, всех старых мужей мощинцов на предмет того, были ли названные братья отчичами сёл Щербиново и Свирково. Приказник и мужи свидетельствовали в пользу Васки. Антонец подал великому князю и вторую жалобу на Васку: последний якобы присвоил себе сёла Почернино и Местово указанной выше волости без господарской данины. Васка представил лист, согласно которому ему было разрешено купить эти сёлца у путных слуг, а также „купчие“ листы (продавцов). Далее источник сообщает: *И над то есмо опытали приказника и мужей, какие бы то были селца, што Васко покупил, путные або тяглые. И приказник з мужми намь поведил, штож тые вышеи речоные селца, што Васко купил, звечные путные селца, а не тяглые.* На основании листов и свидетельства приказников и старых мужей великий князь вынес вердикт в пользу Васки Сопежича¹⁴³. Во время тяжбы между татарами Довлетияром и Бахтияром Сеитовичами, с одной стороны, маршалком и марковским наместником паном Яном Петровичем, с другой, о людях скорбеевичих, судьями в качестве доказательств прав на владения были использованы показания старых „обапольных“ людей, подтвердивших документальные свидетельства татар¹⁴⁴. Эти показания послужили основанием для приговора великого князя в пользу Сеитовичей¹⁴⁵.

Таким образом, „единство и борьба противоположностей“ документа и устного свидетельства, проявлялось, в частности, в том, что это свидетельство

¹⁴³ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 229, p. 160–161 (1497); nr. 285, p. 188 (1499).

¹⁴⁴ „И тые Сеитовичи вказали перед нами листь отца его пана Петров, воеводы троцкого, што пань Петрь тых людей имь поступил ся. Теж вказывали листь отца нашего, короля его м(и)л(о)сти, штож был прадед пана Яновъ пань Петрашъ Монкгирдовичъ тьи люди Скорбеевичи за себе забрал а предку их Исупу дал был напротив того стрелника новгородского Хилимона. И какъ пань Петрашъ з Новагородка зъехал на Полтеско и Исупъ того стрелника самъ покинул и опят тьи свои люди Скорбеевичи себе взял, и отец нашъ, корол его м(и)л(о)сть, в того стрелника казал увезати ся к Новугородку. И мы над то еще писали до городничого новгородского Гринка Масковича и дворанина нашего Васка Ивашковича посылали и казали есмо о том опытати старых людей обапольныхъ, какъ им тое дело сведомо. И Гринко Масковичъ о том опытывал тых старых людей, шести ч(о)л(о)в(е)ковъ, и они перед нимъ повелили, штож тая речъ такъ ся мела, какъ в листех отца нашего, короля его м(и)л(о)сти, выписано“, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 310, p. 203 (1499).

¹⁴⁵ Следует отметить, что это была вторая тяжба Сеитовичей с Яном, первую выиграли Сеитовичи, но во время первой тяжбы устные показания свидетелей не использовались, см. *РИБ*, т. 27, nr. 164, стр. 689–690 (1498).

В качестве свидетелей могли выступить и крупные землевладельцы. По жалобе дворянина Русина, что его отчинными именьями в Киеве владеют другие лица, выпросившие эти именья „за пусто, а его, отчича, не поведаючи“, господарь по челобитью Русина обратился с целью опроса к пинской княгине, „бо ее м(и)л(о)сть тому добре ведома, ижъ то его отчина, а кн(я)зь Семень его м(и)л(о)сть какъ Киевъ держал у в отца моего и в мене тых именеи не отнимал“. Показания княгини подтвердили обоснованность жалобы Русина, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 283, p. 186 (1498).

являлось „альфой и омегой“ документа. Исторически устное свидетельство предшествовало документу, практически документ нуждался в подтверждении посредством этого свидетельства. „Правда“ ещё не отождествлялась полностью с документом.

Но публичность являлось только одним из факторов доверия к устному свидетельству. Существует генетическая связь между показанием свидетелями позднего средневековья и архаическим свидетельством Божей Правды¹⁴⁶. Поэтому даже показания одного человека могли пользоваться высшей степенью доверия¹⁴⁷. В некоторых случаях достаточно было свидетельства только одного боярина, чтобы выяснить, например, служили ли данные бояре с волостью или нет, являлись они боярами или нет. И это, кстати – после издания уставы о „выводе“ шляхетства, предполагавшей более сложную процедуру доказательства шляхетства¹⁴⁸. Но когда свидетельские показания потеряли характер Божей Правды, доверие к устной информации нашло опору в функционировании и признании в обществе достаточно действенного механизма морально-психологического самоконтроля – совести. Понятие „совесть“ хорошо известно актовым источникам. Например, бургомистр Гданьска Матей Цымерман получил от короля польского и великого князя литовского Александра льготный привилей от мыта по всему ВКЛ *сухим путем и водою до его живота*, который был подтверждён Жигимонтом Старым. В листе последнего указано: *нежли то с(ы)нь его або слуги его (т. е. Цымермана, – А. Г.), которых пошлетъ до Великого Князства с товары своими, мають под сумненемъ поведити або право на томъ поднести (т. е. присягнуть, – А. Г.), штож чужих товаровъ не мають за его товар провозити зъ собою*¹⁴⁹. Фёдор Колонтаев, опровергая перед господарём информацию князя Михайла Глинского, утверждавшего, что тот „замяток“, который устроил Глинский, „ни отъ кого сталься“, как только от Фёдора Колонтаева (который, упав перед Глинским „крыжом“, просил у него заступничества, чтобы Русь не крестили в лядскую веру) сказал следующее: *[...] я тых речей ни которыхъ князю Михаилу не поведаль ани того есми от пана Ивана Сопеги не слышаль, ани на сумъненъи моемъ того не было*¹⁵⁰. Во время судебных прений, когда одна сторона, боярин Скрамовский, обвинял людей Степана Кончи в нападении на дворец, избивении челяди и отбивании замков от свирана, Конча признал вину своих людей, заявив: *Милый*

¹⁴⁶ А. І. Груша, „’...сознайте Божю правду, как было здавна...’: граница рацыянальнага і нерацыянальнага ў свядомасці і мысленні чалавека: у пошуках умоў з’яўлення пісьмовага акта“, (в печати).

¹⁴⁷ Ten pat.

¹⁴⁸ *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismu*, nr. 263, p. 226 (1528).

¹⁴⁹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8*, nr. 204, p. 196 (1507).

¹⁵⁰ *РИБ*, t. 20, nr. 489, stp. 1197 (1511).

пане Скрамовский! Верю твоему сумненью, естли будутъ тыи люди мои тотъ гвалтъ учинили, и я тебе тыи люди шиemi выдаю [...]»¹⁵¹. Во время тяжбы пана Миколая Юрьевича Немировича и его сестры Ядвиги Якубовны Немировича о краже переданного ей на хранение ларца с серебром, листами и другими вещами Миколай, по требованию судей оценить свои потери, отвечал *подъ сумненьемъ своимъ*¹⁵². В подтвердительном листе Жигимонта Полоцку на магдебургское право относительно избрания радцев сказано: *А мают на тот врьд обирати людеи годных – набожъных, смысльныхъ, бес каждых даров под сумненьемъ, – которыи ж радци з воитомъ посполито мают промежъску собе в каждыйи годъ оберати дву бурмистровъ [...]»*¹⁵³ и т. д. В конце концов, именно совести свидетелей и доверяли судебные стороны, когда допускали их к даче показаний („давали“ или „пускали“ „на сумненье“ свидетелей). Во время одной тяжбы о земельном владении ответчики не пустили на присягу истца, отказались присягать сами, но, избрав людей со стороны истца *зволвишися, дали на сумненье этих людей, ижъ мають справедливе тое земли грани завести*. И как далее сообщает источник: *Которую-жъ землю тыи люди [...] водле зволенья ихъ и своего сумненья завели [...]»*¹⁵⁴. Витебский воевода Матей Войтехович Яновича, рассматривая совместно с витебскими „панамы“-боярами и мещанами тяжбу о станции на витебского воеводу на стане в селе Бабиничи Витебского повета, просил указанных бояр и мещан, *же бы водлугъ сумненья своего поведили, если бы о тотъ станъ звездомы, хто перед тымъ воевод витебскихъ у Бабиничахъ поднималъ и стацею про ихъ милость давалъ*¹⁵⁵. Совесть ещё не была окончательно отделена от религиозного сознания. Судебная сторона могла отказаться вести свидетелей другой стороны на присягу, мотивируя свой отказ таким образом: *бо вижу, ижъ готови сут присягнуть, а маю досыть на повести ихъ, а сумненья души своее и ихъ не хочу завести [...]»*¹⁵⁶. Это „сумнене души“ тут ещё окончательно не дифференцировалось от сакрального акта – присяги, что нельзя сказать о других, в частности, выше упомянутых сведениях о совести.

Не из-за доверия ли к панам не велись и письменно не фиксировались отчёты воевод, старост и наместников-державцев? Не доверие ли монарха и его представителей к подданным поддерживало „старину“ и обычай?

Характер просьбы подданных, адресованных великому князю, информация, связанная с этой просьбой (например, о пожаловании), отношение к указанным

¹⁵¹ Ten pat, nr. 52, str. 57 (1510).

¹⁵² Ten pat, nr. 163, str. 1484 (1520).

¹⁵³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8, nr. 530, p. 385 (1510).

¹⁵⁴ Литоўская мэтрыка. Кніга Запісаў № 16, nr. 96, p. 68 (1532); nr. 119, p. 86 (1532).

¹⁵⁵ Судебная книга витебского воеводы, nr. 204, p. 350; nr. 205, p. 353 (1540).

¹⁵⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25, nr. 93, p. 153; nr. 168, p. 232 (1539).

просьбе и информации имели свою специфику. Испрашивая у монарха пожалование, подданные максимально доверялись монаршей ласке, от которой зависел результат просьбы. Ситуация должна была сделать подданных максимально искренними в отношении к господарю, формируя идеальные отношения между ними. Ответом на эту искренность (а также предоставленное челобитье¹⁵⁷, верную службу т. д.) должна была стать монаршая ласка в отношении просителя. И наоборот, обман, т. е. то, что в источниках определялось как „неслушное поведанье“, мог иметь только один результат: *Бо хто негораздо в нас чого просить або без данины наше земли чужии за себе забирает, тот никог(о) в том не винуеть, толко сам себе*¹⁵⁸.

Очевидно, первоначально монарх довольно часто в ряде случаев отдавал предпочтение показаниям „старых“ „людей“, т. е. крестьян. Во время судебного процесса между архимандритом монастыря Св. Архангела Михаила Геннадием и Борисом Семёновичем о Мокеевском селище с опросом о принадлежности селища смоленский наместник Миколай Радивилович вначале обратился к старым „людям“ и только потом к смоленским окольныхчичим¹⁵⁹. В процессе социальной дифференциации и иерархизации общества доверие начинало распределяться вертикально. Крестьянин, а также мелкий шляхтич был достойным веры для своих соседей и приятелей, таких же как он крестьян и мелких шляхтичей, но не всегда казался заслуживающим доверия, например, для панов, урядников, панов-рад и господаря. По поводу одной тяжбы великий князь писал: *а пан Янь, маршалокъ земьскии, был панъ нашъ радныйи, небожъчикъ пан Аврам тежъ был врадникъ нашъ веръныйи – намъ годило ся им верити*¹⁶⁰. В последней фразе процитированного высказывания особенно чувствуется близость значений слов „верный“ и „верить“. „Верный“ – это, в том числе тот, кто заслуживал доверия¹⁶¹. Распределение доверия имело более сложные формы. Солидарный *vox populi* пользовался иногда большим доверием, чем голос одного пана, даже если он был сановником. Брянские сотники жаловались на брянского наместника князя Фёдора Ивановича Жеславского относительно „великих кривд“, связанных с введением подводной повинности, исполнением станов и стаций на наместника. Сотники „слали ся“ на брянских бояр и всю Брянскую волость. Князь Фёдор отказался „послать ся“ на них, в результате чего на первом этапе

¹⁵⁷ А. И. Груша, „'Просите, и дано будет вам' (Мф.7:7)“.

¹⁵⁸ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9*, nr. 181, p. 159 (1511).

¹⁵⁹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4*, nr. 77, p. 116 (1486).

¹⁶⁰ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14*, nr. 797, p. 329 (1526).

¹⁶¹ *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, кн. 3, Мінск, 1983, p. 326; *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. 2, гл. ред. Р. И. Аванесов, Москва, 1989, p. 302. Ср. выражение: „Ино мы впамятовши на веру предков его, а к тому вбачивши верныи заслуги его [...]“; см. *Biblioteka Czartoryskich*, perg. 728 (1516).

разбирательства правыми были признаны сотники. Великого князя не удовлетворили результаты данного опроса, и поэтому он обратился к бывшему брянскому наместнику – киевскому воеводе князе Дмитрею Путяте, *каким обычаем тая речь мела*. Путята тем не менее *признал* факт выполнения подводной повинности во время его наместничества. Однако, последняя точка в деле была поставлена в результате свидетельства не воеводы, а брянских сотников, которые заявили, что Дмитрий ввёл „новину“, *а здавна деи есмо таки подводъ под наместники не давали и станов на них не справливали*. Приговор суда был вынесен в пользу сотников¹⁶². Впрочем, в тяжбе с участием с одной стороны волости (старца и мужей), а с другой наместником-державцей могла одержать верх та сторона, которая в качестве свидетелей привлекала князей и бояр¹⁶³.

Но и доверие к последним, а также врядникам, панам и панам-раде не было абсолютным. Недоверие монарха к устному слову подданных зашло слишком глубоко во втором десятилетии XVI в. С этого время стали регулярно вестись гетманские реестры, которые фиксировали наличный состав прибывших на военную службу и отбывающих с неё военнообязанных; была создана „Перепись войска“ (1528 г.), в которой нашли отражения объём военной повинности и выплаты серебщины указанных социальных категорий, а также некоторых мещан. Способ контроля за исполнением данной повинности и выплатой данного платежа воспринимался шляхтой как недоверие к ней со стороны господаря. На сойме 1544 г. шляхта обратилась к господарю с просьбой не осуществлять перепись их имений через его посланников на том основании, что каждый из шляхты *есть такъ годенъ веры, яко и тотъ, которому бы то пописысовать поручено было*. Одновременно шляхта просила, чтобы серебщизна была „выберана“ также „*водле веры*“, а не с переписи¹⁶⁴. И хоть господарь согласился с данной просьбой, симптомы недоверия были видны слишком отчётливо. Применительно к 1520-м годам можно говорить о существовании пережитков доверия в отношениях господаря и подданных.

Сложность ситуации заключалась в том, что конфликты могли возникнуть между панами, но господарь не мог верить одному пану, и не верить другому. Эти конфликты так или иначе вели к необходимости решать их судебным порядком, который подразумевал проведение следствия, основанного на изучении объективных, с „технической“ точки зрения легко проверяемых данных. Такими данными являлись документы. Последние имели и ещё одно преимущество: в отличие от людей-свидетелей, которые умирали, документом при надлежащих условиях хранения можно было пользоваться долго. В источниках сплошь и

¹⁶² *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 309, p. 202–203 (1499).

¹⁶³ *РИБ*, t. 27, nr. 150, str. 669–670 (1497).

¹⁶⁴ *РИБ*, t. 30, под ред. И. И. Лаппо (*Литовская Метрика, отделы 1–2, dal. 3: Книги Публичных дел*, t. 1), Юрьев, 1914, str. 109.

рядом находим сведения, что господарь и пань-рада вели судебные тяжбы, а не верили на слово истцам и ответчикам. Во время судебных тяжб о владениях господарь требовал от сторон представления „листов-твёрдостей“; стороны по собственной инициативе представляли эти листы. Документ стал играть решающее значение в принятии великим князем судебных решений. Нетрудно было перенести подобную практику в разрешение конфликтов обычного боярства и мещан.

Книги Метрики возникли в условиях противоречивых отношений доверия и недоверия монарха к устному слову подданным. В контексте этих отношений развивалась практика использования книг Метрики. Как бы то ни было, о существовании такой практики источники, хоть редко, но всё-таки свидетельствуют¹⁶⁵ (также как и об использовании книг местных властей)¹⁶⁶. Где наиболее часто прибегали к книгам Метрики, так это в дипломатической и судебной сферах. Дипломатические отношения, очевидно, достаточно быстро приобрели регламентированный характер. Динамизм и изменчивость этих отношений, техническая сложность процедур, их регулирующих, довольно рано привели к необходимости копировать исходящие и входящие документы для использования последних в повседневной практике. Что касается документов, отражающих различные виды и этапы предсудебных и судебных процессов, то именно с ними связано самое большое количество упоминаний об использовании книг Метрики¹⁶⁷. Великий князь вписывал судебные документы „на память“¹⁶⁸. Большинство записей, сделанных „на память“, имели характер „вспоминаний“, „припоминаний“. Последние имели чрезвычайно важное значение, поскольку были способны „блокировать“ действия такой мощной правовой категории как

¹⁶⁵ А. И. Груша, „Функцыі канцеляры“, р. 82; А. И. Груша, *Канцелярыя*, р. 28–32, 97–102.

¹⁶⁶ Некоторые случаи обращения к книгам Метрики связаны с подтверждением документов, сгоревших во время пожара в Вильне в 1530 г. Как эти, так и другие – в том числе, ретроспективные – данные показывают, что подданные великого князя часто хранили свои документы в своих домах в Вильне или в домах виленских мещан: *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9*, nr. 77, p. 112 (1511); nr. 88, p. 118 (1511); nr. 219, p. 181 (1516); *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25*, nr. 125, p. 185 (1516); *Літоўская мэтрыка. Кніга Заніцаў № 16*, nr. 128, p. 97 (1532); nr. 194, p. 143 (1533); nr. 209, p. 154 (1533); nr. 221, p. 162 (1533); nr. 260, p. 187 (1533); nr. 263, p. 188 (1532). Очевидно, в данном случае шляхта исходила из удобства места хранения этих документов, поскольку Вильня была тем городом в ВКЛ, который наиболее часто посещал великий князь, являвшийся единственным обладателем права придавать документам юридическую силу. Во время упомянутого пожара сгорело, видно, немало листов; возник целый поток просителей подтвердительных листов. Поэтому, чтобы избежать необоснованных просьб, великий князь в данном случае применил практику обращения к книгам.

¹⁶⁷ А. И. Груша, „Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага“, р. 28–32, 97–102; *РИБ*, t. 20, nr. 207, stp. 857 (1515); nr. 245, stp. 930 (1516); nr. 252, stp. 940 (1516); nr. 253, stp. 942 (1516); nr. 116, stp. 1405 (1520) и др.

¹⁶⁸ Заголовок к серии документов: „Листы судовые и иные речы, которые про память записываны“, см. *РИБ*, t. 20, stp. 776 (1511).

„давность“, выступающей при определённых условиях серьёзным соперником документа. В связи с этим возникает вопрос: не действие ли этой категории послужило одним из толчков появления книг Метрики?

Отсутствие оглавлений и документальных заголовков, впрочем, вовсе не означало, что писарям при поиске нужных документов приходилось перелистывать всю книгу. Достаточно быстрому поиску этих документов содействовали разные способы систематизации записей. Последние группировались, во-первых, по предметному, во-вторых, по хронологическому признаку. В начале XVI в. в книгах судных дел стал применяться топологический признак, когда группы документов стали выделять по месту издания документов¹⁶⁹, а с третьей декады столетия не только в книгах судных дел, но и книгах записей к указанию о месте издания документов стала добавляться информация, кто из писарей готовил данные документы¹⁷⁰. Эти группы документов стали предваряться специальными заголовками¹⁷¹. То есть, если надо было найти тот или иной документ, то вспоминали, где он и каким писарем был издан. Такая систематизация записей книг Метрики имела уже визуально-формальный характер (в отличие от изобразительно-образного и образного, основанного на памяти¹⁷²). Указанные – предметно-хронологический, а также топологический – признаки организации материала в определённой степени заменял, но отнюдь не компенсировал отсутствие заголовков и оглавлений.

Книга была одним из символов христианской веры¹⁷³. Образ господаря, с Божьей милости великого князя (наместника Бога на земле), „отворяющего“ свои – „господарские“ – книги в значительной степени отождествлялся с образом Бога, открывающими книги на Страшном суде¹⁷⁴. Говоря о книгах

¹⁶⁹ I. Valikonytė, „W poszukiwaniu modelu układu najstarszych ksiąg Spraw Sądowych Metryki Litewskiej“, *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija*, sudarė A. Dubonis (red. kol. pirm.) ir kt., Vilnius, 2007, p. 99.

¹⁷⁰ В данном случае мы не имеем ввиду две книги Метрики – 9-ю (за 1511–1516 гг.) и книгу за 1516–1518 гг., представляющие собой исключение (в них документы сгруппированы по писарям).

¹⁷¹ Например: „Тыи листы руские почали ся писати въ Петркове за п(а)на Горностая, писара, м(еся)ца генвара 27, индикт 13“, см. *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, p. 153 (1524); „Тые справы почали ся за пана Коптя, писара г[оспо]д[а]рьского, приехавшы с Кракова до Петръкова, под лет(ы) Божог(о) нарож(енья) 1525, м(еся)ца дек(абра) 14 [день], индик(т) 14“, см. *Lietuvos Metrika (1522–1530): 4-oji Teismų*, p. 187.

¹⁷² M. T. Clanchy, *op. cit.*, p. 172–179.

¹⁷³ D. H. Green, *Medieval Listening and Reading. The primary reception of German literature 800–1300*, Cambridge, 1994, p. 28; E. Potkowski, *Książka i pismo w średniowieczu. Studia z dziejów kultury piśmiennej i komunikacji społecznej*, Pułtusk, 2006, p. 12–16, 213–218, 293–296.

¹⁷⁴ „И увидел я мёртвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мёртвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими“, см. *Откровение 20:12*.

Метрики, невольно вспоминается „Книга Страшного суда“ (1086 г.). Согласно Англо-саксонской хронике, король Вильгельм Завоеватель во время переписи так тщательно проводил расследование, что не было ни одного гайда и ни одной виргаты земли, ни одного вола, ни одной коровы, ни одной свиньи, которые были бы пропущены и не записаны¹⁷⁵. По мнению М. Т. Клэнчи, это описание, очевидно, преувеличено, чтобы подчеркнуть испуг от тщательности переписи¹⁷⁶. Столетие спустя один автор объяснял, что книга была названа „Domesdei“ „местными жителями“, поскольку она казалась похожей на Страшный суд, описанный в Откровении святого Иоанна Богослова: „Вот почему мы назвали книгу *Книгой Страшного суда*, – писал этот автор, – не потому, что она содержит решения на различные сложные вопросы, но потому, что её решения, как решения Страшного суда, незыблемы“¹⁷⁷. Данное объяснение названия этой книги соответствует одной из целей, которые преследовал великий князь литовский, вписывая свои приговоры суда в книги Метрики. Относительно одного такого вписанного в книги Метрики приговора, писарь отметил: *Господарь его милость тое выреченье и възнанье справедливости свое господарьское казать пану Копътю (писарю великого князя, – А. Г.) у книги судовыи напередь для памети записати, абы вжо съ того знаиденья господарьского зъ нихъ никто не выступилъ*¹⁷⁸. Но, как показывают источники, данные задачи были не всегда выполнимы из-за действия не раз уже упомянутого принципа *господаря мы листы даём так, ка кто у нас просит*. Характер использования книг Метрики может быть объяснён в контексте высказывания „Похвалы“ Жигимонту Старому относительно Ягайлы и Витовта: *А прето, ач кол(ь)ве дали намъ веру хрестьянскую, але вчинковъ хрестьянских нас были не научили, прав нам не дали, чим быхмо ся мели справовати, яко ся хрестьяне справують [...]*¹⁷⁹. Христианская культура и „технические“ достижения в области управления и суда христианских стран привела к практике ведения записей в ВКЛ. Это практика была одним из упомянутых „вчинковъ хрестьянских“. Но как можно было пользоваться этим „вчинком“, было не всегда понятно. Если быть более точным, не очень эффективному „научению“ в значительной степени мешало сохранение старых традиций.

Потребность решать повседневные задачи при помощи книг Метрики, на первый взгляд, действительно, подтверждается некоторыми прямыми данными источников. В 1495 г. великому князю бил челом путивльский наместник князь Богдан Фёдорович Глинский и „поведал“, что князя Олелько и Семён

¹⁷⁵ М. Т. Clanchy, *op. cit.*, p. 32.

¹⁷⁶ Ten pat, p. 32.

¹⁷⁷ Ten pat, p. 32.

¹⁷⁸ РИБ, т. 20, nr. 213, стр. 868 (1516).

¹⁷⁹ S. Lazutka, I. Valikonytė, E. Gudavičius, *Pirmasis Lietuvos Statutas (1529 m.)*, Vilnius, 2004, p. 59.

подавали его отцу Фёдору сёла Олевской волости Киевского повета, что было подтверждено Казимиром, выдавшем Фёдору пергаментный лист. Но когда Киев горел от татар, привилей (пергаментный лист) сгорел. Глинский просил подтвердить пожалование Казимира. По словам великого князя:

Ино на тотъ часъ тых книг при насъ не было, в которых книгах тое привиле записано, которымъ привилемъ отец нашъ, корол его м(и)л(о)сть, тые села имъ подтвердилъ [...]. А коли тые книги при насъ будутъ, и мы ему тые села с того списка, што с привиля вписано в книги, потвердимъ нашим листомъ¹⁸⁰.

На первый взгляд, создаётся впечатление, что у великого князя возникли трудности с подтверждением документа из-за отсутствия книг Метрики. Отсюда можно далее заключить, что информация, оставленная господарю в виде копий исходящих документов, имела большое значение при принятии им тех или иных решений, в частности, подтверждении утраченных документов. На самом деле, это не более, чем впечатление, поскольку великий князь уже в данном случае подтвердил владения, используя в тексте подтвердительного листа характерные для последнего формулы: [...] и мы ему на то дали сесь нашъ листь. Нехаи он тые села держитъ по тому, какъ княз Олелко и княз Семен отцу его подавали¹⁸¹. Не хотел ли Глинский получить документ с включённым актом Казимира? Не это ли означает выражение „подтвердить со списка“? И хоть „включённые акты“ в „русских“ великокняжеских листах появились несколько позже, полностью исключать данное предположение нельзя. Для господаря же, очевидно, это не было принципиально, поскольку подтверждая указанные владения спустя два года, он опять же обошёлся без книг (во всяком случае, о них ничего не сказано)¹⁸².

Книги Метрики не имели публичного характера и не были предназначены для регулярного обращения к ним подданных. Писари канцелярии также не злоупотребляли их эксплуатацией. Если учесть, что канцлер Лев Сапега в конце XVI в. инициировал переписку книг Метрики из-за неудовлетворительного их состояния, то это вовсе не означает, что до такого состояния они были доведены в результате чересчур активного их использования. Скорее, наоборот: когда во второй половине XVI в. повысилась потребность обращения к ним,

¹⁸⁰ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 120, p. 114; L. Karalius, „Lietuvos Metrikos knygu vaidmuo Aleksandro Jogailaičio kanceliarijoje“, p. 198, 201–202.

¹⁸¹ „Ино на тотъ часъ тых книг при насъ не было, в которых книгах тое привиле записано, которымъ привилемъ отец нашъ, корол его м(и)л(о)сть, тые села имъ подтвердилъ, и мы ему на то дали сесь нашъ листь. Нехаи он тые села держитъ по тому, какъ княз Олелко и княз Семен отцу его подавали. А коли тые книги при насъ будутъ, и мы ему тые села с того списка, што с привиля вписано в книги, потвердимъ нашим листомъ“, см. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 120, p. 114.

¹⁸² *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6*, nr. 238, p. 164–165 (1497).

тогда и появилась необходимость привести их в порядок. Это выразилось, в частности, в том, что переписанные книги были обеспечены оглавлениями и документальными заголовками, что должно было значительно облегчить поиск необходимых документов.

Появление книг Метрики сравнимо с появлением и распространением документов. Возникнув как гарант тех или иных прав, они ещё не были востребованы в полной мере, но их появление, в целом, говорит о возникшей необходимости их использования.

**Did the monarch trust his subjects
(a glance into the social life in the Grand Duchy of Lithuania
from the late 15th c. to the first third of the 16th c.)**

Aleksandr Hruša

Summary

This article analyses the functioning of the term ‘confidence’ or ‘trust’ as it is represented in the context of uses made of the inscriptions in the Lithuanian *Metrica* books compiled at the end of the 15th c. and the first decade of the 16th c. The functioning of this term is conspicuous especially in that the information the ruler wanted to get to know and on which his decision depended, was usually (although not always) oral, not written. People from most different social strata happened to become the sources of information for the government. It may seem that the authorities could not but trust their subjects for their oral information, because written records pertaining to landed property, land limits, taxes, compulsory services and such like were simply lacking. The documentary evidence was almost absent (in case something of this kind was at hand it was exploited with very low efficiency) and this happened because, almost certainly, the authorities were quite satisfied with the oral information they received from suitors and witnesses. In our opinion, the motives of the decisions by governmental bodies derived from the moral order and its characteristic relations. The oral witnesses were *trusted*. Perhaps best examples of the relations of this kind are a grand ducal statement (1530s) frequently rendered as: ‘We give out our written statements as we are asked to’.

There was time when the delineation of social, legal and moral spheres was not sharply pronounced and that contributed to the self-definition of the members of the elites as ‘good people’. The term ‘good people’ encompassed not only the

aspects of private property, legal status and social position but also the moral dimension. Most usually we come across 'good people' in the ranks of nobility, but there were 'good people' among townspeople and peasants too. The 'good people' would be present when transactions were being concluded or when they were called in to witness with their seals the compilation of 'private' documents. It was 'good people' who acted as peace-brokers, witnesses to a variety of acts, they tended to be involved in the very process of court decisions and they were expected to take an oath, if need be.

The grand duke used to treat with confidence oral information. The very fact that he tended to ignore the written records and did not see the urgent need to produce them on a grand scale (and therefore could afford himself to ignore the sphere of written word) attests to his being quite comfortable with the word of mouth. The extent of the grand ducal trust in the oral statements was not always the same. Sometimes, on account of oral statement, he simply reconfirmed the title to landed property after the earlier one had been lost; sometimes such evidence was found wanting and then the testimony of 'good people' local authorities would become a necessity. But in every case, the word of mouth turned into a piece of information. Anyway, if the grand duke did not see it necessary to promote the written, objective, source of information, he was bound to trust only in the oral one. To put it the other way round, such confidence and trust were not conducive to start producing written documents.

It is not difficult to say why the grand duke trusted his informants. He trusted them because they were 'good people'. The trust in the oral witnesses was based on their public character. In the presence of witnesses a whole range of activities were conducted such as selling, exchange of goods, transfer of landed property, reconciliation between unfriendly parties, money-lending and so on. The presence of witnesses was a prerequisite for the document to be considered valid. Moreover, witnesses were necessary to prove or disprove the authenticity of the very document, of *the* act itself. The role of the enumerated witnesses was not only ceremonial. A live witness could be trusted more than a 'dead' document. The documents issued by the grand ducal chancery enjoyed high respect in terms of their reliability, but even their authenticity had to be proved, from time to time, with reference to the clerk or scribe who produced them. Nevertheless, the grand ducal documents had an essential handicap in that they could be issued relying on the information submitted by one interested party.

The fight between document and oral statement in terms of their supplementary and mutually exclusive characteristics is very clearly to be seen in that such a kind of witnessing was the alpha and omega of any particular document. With hindsight it is clear that the oral testimony appeared prior to that of a written document, and the latter had to be confirmed by the first. The 'truth' was as yet not confined

exclusively to document. The public character of the oral testimony was, however, only one factor allowing one to trust in it. There is a direct relationship between the late medieval testimonies of eye-witnesses and the archaic means to establish God's truth. That is why, even one man's testimony could be treated as exceptionally reliable.

Now it is time to pose several questions: is it so that because of trust, governors, captains and vice-gerents were not expected to produce any written reports about their activities?; was it so that the trust of a ruler and his representatives given to their subjects served as a means of preserving the inherited 'antiquity' and local customs? There are a lot of examples showing that a ruler frequently trusted in the testimonies of 'old people', that is peasants. In the wake of ongoing social differentiation and hierarchical build-up, the trust grew ever more vertical. A peasant or a man from the ranks of petty gentry continued to be reliable to his peers, but this was not always the case when he had to stand up before lords, high officials, members of the grand ducal council or the grand duke himself. The amounts of trust were not the same everywhere. As regards 1530s it is permissible to say that only the relics of old trust between the ruler and his subjects survived at the time. The situation tended to be more complicated as the mutual conflicts among the magnates were the order of the day, but the duke could give his trust only to one of them. Conflicts had to be settled at court, a procedure which required investigation calling for objective and 'technically' easily verifiable data. The data were documents themselves. They had one advantage more: in contrast to mortal men, the well-preserved documents could be used for quite a long period of time. The sources are replete with instances showing how the officials of the grand ducal court and those of the lords' council did not trust the words told by witnesses and defendants. The grand duke required producing titles in cases where real estate was concerned and parties themselves used to present such documents on their own initiative. Thus the written document received preponderant significance in the grand ducal decision-making. Such a practice was not difficult to introduce in the conflicts between the nobles and the townspeople.

The appearance of Lithuanian *Metrica* books coincided with the appearance and further diffusion of documents. The latter appeared as vouchers of certain rights and privileges, and at first they were not used extensively and actively, but their appearance attests to the arrival of the need to use them.

Translated by Darius Baronas